

18+

Жан-Батист Кревье

**История
римских
императоров
от Августа
до Константина**

Том 6. Период «Пяти добрых
императоров»

Жан-Батист Кретье

**История римских императоров
от Августа до Константина.
Том 6. Период «Пяти
добрых императоров»**

«Издательские решения»

Кревые Ж.

История римских императоров от Августа до Константина.
Том 6. Период «Пяти добрых императоров» / Ж. Кревые —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-659111-0

Работа сочетает хронологический нарратив с анализом политики, культуры и морали, характерным для просветительской историографии. Том 6: Период правления «Пяти хороших императоров» в Римской империи. Это время известно как период беспрецедентной стабильности и процветания, известный как «римский мир».

ISBN 978-5-00-659111-0

© Кревые Ж.
© Издательские решения

Содержание

Траян	6
Книга первая	6
§ I. Траян – лучший и величайший из правителей, которых имели римляне	6
§ II. Вторая война Траяна против даков	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

История римских императоров от Августа до Константина Том 6. Период «Пяти добрых императоров»

Жан-Батист Кретье

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Жан-Батист Кретье, 2025

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2025

ISBN 978-5-0065-9111-0 (т. 6)

ISBN 978-5-0065-8411-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Траян

Книга первая

§ I. Траян – лучший и величайший из правителей, которых имели римляне

ХРОНИКА ПРАВЛЕНИЯ ТРАЯНА

NERVA AUGUSTUS IV. – TRAJANUS CÆSAR II. AN R. 849. DE J.-C. 98.

Траян получает в Кёльне известие о смерти Нервы и провозглашается Августом.

Он остаётся в Германии весь год.

A. CORNELIUS PALMA. – C. SOSIUS SENECIO. AN R. 850. DE J.-C. 99.

Траян входит в Рим пешком, без всякой пышности.

Он покоряет все сердца мягкостью, умеренностью и мудростью своего правления.

Он получает титул «Отца отечества». Ему предлагают имя «Optimus» (Наилучший), которое, однако, вошло в обычное употребление лишь несколько лет спустя.

Принимая третий консулат, он соблюдает весь церемониал, которого придерживались частные лица.

TRAJANUS AUGUSTUS III. – M. JULIUS FRONTO. AN R. 851. DE J.-C. 100.

Траян-консул клянётся соблюдать законы.

Он проявляет полное уважение к сенату, который выражает свою признательность самыми лестными приветствиями.

Дело Мария Приска.

Дело Классика.

Панегирик Траяну, произнесённый Плинием в сентябре.

Брак Адриана с Сабиной, внучатой племянницей Траяна.

TRAJANUS AUGUSTUS IV. – SEX. ARTICULEIUS PÆTUS. AN R. 852. DE J.-C. 101.

Адриан становится квестором императора.

Введение тайного голосования при выборах магистратов сенатом.

Война против даков. Их царь Децебал вынужден подчиниться очень тяжёлым условиям. Ему дарован мир, и Траян в этом или следующем году триумфально вступает в Рим.

Адриан сопровождал Траяна в этой войне. Лузий Квиет командовал важным отрядом и отличился в сражениях.

.... SURANUS. – L. LICINIUS SURA. AN R. 853. DE J.-C. 102.

Смерть Фронтин. Плиний наследует ему в звании авгура.

Отмена гимнастических игр в Вьенне.

Возобновление старых постановлений, запрещавших адвокатам брать деньги у сторон.

Указы Траяна против подкупа, предписывающие допускать к должностям только тех, кто имеет треть имущества в землях или домах в Италии.

TRAJANUS AUGUSTUS V. – L. MAXIMUS. AN R. 854. DE J.-C. 103.

Траян строит порт Центумцеллы (Чивитавеккья).

Различные судебные решения, вынесенные им с большой справедливостью.

Плиний отправляется управлять Понтом и Вифинией.

L. LICINIUS SURA II. – MARCELLUS. AN R. 855. DE J.-C. 104.

Пожар Золотого дворца.

Письмо Плиния к Траяну о христианах.

Вторая война против даков. Мост, построенный Траяном на Дунае.

TI. JUNIUS CANDIDUS II. – A. JULIUS QUADRATUS II. AN R. 856. DE J.-C. 105.

Землетрясения в Азии и Греции.

Адриан становится народным трибуном.

Децебал побеждён, в отчаянии кончает жизнь самоубийством. Дакия превращена в римскую провинцию. Основание колоний в Дакии и соседних странах. Второй триумф Траяна.

Завоевание Аравии Петрейской Корнелием Пальмой.

.... COMMODUS. – CEREALIS. AN R. 857. DE J.-C. 106.

Проложена и построена дорога через Понтинские болота.

Заговор Красса, наказанный лишь изгнанием. Траян начинает войну против парфян и отправляется на Восток.

L. LICINIUS SURA II. – C. SOSIUS SENECIO II. AN R. 858. DE J.-C. 107.

Претура Адриана.

Траян завоёвывает Армению. Он отказывает Партамасириду, явившемуся в его лагерь просить инвеституру на этот трон. Партамасирид убит в бою.

AP. ANNIUS TREBONIANUS GALLUS. – M. ATILIUS METELLUS BRADUA. AN R. 859. DE J.-C. 108.

Адриан командует в Нижней Паннонии.

По-видимому, в этом году Траян завоёвывает Месопотамию. Взятие городов Батны, Сингары, Нисибиса. Лузий Квиет захватил Сингару.

Заложники, данные Траяну парфянским царём Хосровом. Мир или перемирие между парфянами и римлянами. Аравия Петрейская превращена в римскую провинцию. Траян утверждает свою власть среди народов, живущих к северу от Армении, между Понтом Эвксинским и Каспийским морем.

Эти подвиги могли занять Траяна в течение одного или нескольких последующих лет, о которых у нас нет точных данных.

Предполагается также, что он вернулся в Рим и провёл там несколько из этих лет.

A. CORNELIUS PALMA II. – TULLUS. AN R. 860. DE J.-C. 109.

Адриан становится замещающим консулом.

PRISCIANUS, ИЛИ CRISPINUS. – ORFITUS. AN R. 861. DE J.-C. 110.

C. CALPURNIUS PISO. – M. VETTIUS BOLANUS. AN R. 862. DE J.-C. 111.

TRAJANUS AUGUSTUS IV. – T. SEXTIUS AFRICANUS. AN R. 863. DE J.-C. 112.

L. PUBLIUS CELSUS II. – C. CLODIUS CRISPINUS. AN R. 864. DE J.-C. 113.

Q. NINNIUS HASTA. – P. MANLIUS VOPISCUS. AN R. 865. DE J.-C. 114.

Траян, посвятив свою великолепную площадь в Риме, где была воздвигнута колонна его имени, возвращается на Восток, чтобы возобновить войну с парфянами.

L. VIPSTANUS MESSALA. – M. VERGILIANUS PEDO. AN R. 866. DE J.-C. 115.

Сильное землетрясение в Антиохии. Консул Педон погибает, а сам Траян едва спасается. Он обращается к оракулу Гелиополиса. Завоёвывает Ассирию.

Возвращается к Вавилону, переправляется через Тигр и берёт города Ктесифон и Сузы. Восстание иудеев в Киренаике, Египте и на острове Кипр.

L. ÆLIUS LAMIA. – ÆLIANUS VETER. AN R. 867. DE J.-C. 116.

Траян спускается по Тигру в Персидский залив и достигает великого моря.

Он захватывает порт на южном побережье Счастливой Аравии.

Провинции, завоёванные Траяном у парфян – Армения, Месопотамия и Ассирия, – пользуясь его отсутствием, восстают.

Он узнаёт об этом в Вавилоне, осматривая его руины и отдавая дань памяти Александра Великого.

Он вынужден возобновить войну, чтобы вновь подчинить мятежные провинции.

Он назначает Партамаспата царём парфян.

Осаждает Атму, но вынужден снять осаду. Иудеи усмирены Марцием Турбоном в Египте и Киренаике.

Траян поручает Лузию Квиету очистить Месопотамию от иудеев. Они побеждены, а их победитель назначен правителем Палестины.

Порт Анконы.

.... QUINTUS NIGER. – C. VISPTANUS APRONIANUS. AN R. 868. DE J.-C. 117.

Болезнь Траяна. Он находится в состоянии слабости.

Он отправляется обратно в Рим, оставив Адриана во главе армии в Сирии.

Все восточные завоевания Траяна потеряны для римлян.

Он умирает в Селинунте, в Киликии. Адриан наследует ему на престоле благодаря ложному усыновлению, организованному императрицей Плотинией.

Траян причислен к сонму богов. Его прах перенесён в Рим и помещён под его колонной.

Траян по праву считается величайшим и лучшим правителем, которого когда-либо имели римляне. Можно назвать императоров, равных ему по добродетели, и среди его предшественников или преемников найдётся немало достойных соперников в военном искусстве. Но его истинная слава – в сочетании талантов и добродетелей, в том, что он заслужил одновременно восхищение и любовь. Эти качества проявлялись во всех его поступках за почти двадцатилетнее правление и обеспечили бы ему первое место среди всех римских императоров, если бы он не был слишком героем, чтобы стать совершенным государем.

Дела в Германии, по-видимому, вынудили Траяна остаться вблизи Рейна и Дуная, так как ни усыновление, ни смерть Нервы не побудили его вернуться в Рим. Узнав, что его приёмный отец скончался и оставил ему империю, он прежде всего позаботился о выполнении долга благодарности и сыновней почтительности. Следуя святотатственному обычаю, дозволенному язычеством, он велел причислить Нерву к сонму богов и назначил в его честь храм, жреца и алтари. В то же время он собственноручно написал сенату письмо, подтверждая обязательство, данное Нервой: уважать жизнь сенаторов [1] и никогда не предавать их смерти.

Весь год своего второго консульства, который был первым годом его правления, Траян провёл в Германии. Однако мы не можем указать на какие-либо военные подвиги, которыми он отметил своё пребывание в этих землях. Он сделал нечто лучшее: сдержал варваров, которые даже во время ледостава на Дунае не осмелились воспользоваться удобным переходом для своих обычных набегов. Будучи столь же мудрым, сколь и храбрым, Траян умерил и пыл римских солдат, рвавшихся на вражескую территорию. Эта политика, равно далёкая и от слабости, и от безрассудства, увенчалась успехом. Германцы, научившиеся презирать римское оружие при Домициане, вновь стали его бояться: они запросили мира и дали заложников.

Ещё одной заботой, достойной великого государя, стало для Траяна в первые годы правления восстановление воинской дисциплины – не только в армии, которой он командовал лично, но и во всех войсках империи. Постоянные кровавые подозрительность Домициана вынуждали военачальников опасаться слишком выдающихся успехов. Они попустительствовали упадку, боясь, что слава обернётся для них преступлением. Траян, сам исполненный достоинств, не тревожился, обнаружив их у подчинённых. Напротив, своими приказами и личным примером он внушал им всю твёрдость и энергию, необходимые, чтобы солдаты повиновались командирам и наводили ужас на врагов. Чтобы его легаты пользовались уважением, он сам оказывал им почёт. Он не стремился затмевать их блеском императорского величия и требовал, чтобы в его присутствии и в его отсутствие они беспрепятственно осуществляли свои полномочия.

Траян оставался в Германии и в начале 850 года от основания Рима, когда консулами стали Пальма и Сенецион. Существовал обычай, по которому императоры принимали консуль-

ство сразу после восшествия на престол, и сенат не замедлил предложить Траяну последовать примеру предшественников. Однако скромность побудила его ответить, что, став консулом в год смерти Нервы и своего воцарения, он уже исполнил этот обычай. Он отказался от предложенного консульства и предоставил двум частным лицам честь открыть год.

Наконец, решив вернуться в Рим, куда его звали единодушные желания граждан, он отправился в путь с подобающей верховному правителю свитой, но в безупречном порядке. Земли, через которые он проезжал, не подверглись ни грабежам, ни притеснениям. Ещё свежа была память о разорении, учинённом на этом же пути Домицианом; и Траян, желая подчеркнуть выгодное для себя сравнение, приказал публично вывесить расчёт сумм, израсходованных на путешествие его предшественника и на его собственное. По этому поводу Плиний обращается к нему с похвалой, сопровождая её мудрым замечанием: «В этом поступке, – говорит он [2], – вы менее всего думали о своей славе, но о общей пользе. Хорошо, когда император привыкает отчитываться перед империей; когда в своих поездках он ставит себе это правилом и обнаруживает свои расходы: тогда он не позволит себе трат, которых стыдился бы объявить».

Между отъездом Траяна из Германии и прибытием в Рим Плиний в своей «Панегирической речи» помещает принятие им титула Отца отечества, который уже давно предлагался сенатом. Траян пожелал сперва заслужить это прекрасное звание и лишь тогда, когда счёл себя достойным его благодаря своим благодеяниям, согласился принять его – не столько как почётное имя, сколько как обязательство относиться к гражданам, как к детям.

Он доказал эти чувства в день своего вступления в Рим, которое походило менее на прибытие государя в столицу, чем на возвращение отца в семью. Он шёл пешком, впереди него шли ликторы, соблюдавшие скромное молчание, за ним следовали несколько отрядов солдат, столь же спокойных, как горожане. Вернувшись императором [3] туда, откуда ушёл простым гражданином, он не проявлял ни малейшей перемены в себе. Ставя себя наравне со всеми, он не выказывал иного превосходства, кроме превосходства добродетели. Он узнавал старых друзей и радовался, когда узнавали его. Он приветствовал сенаторов и первых из всадников с сердечной любезностью. Каждый мог свободно подойти к нему, и часто ему приходилось останавливаться из-за толпы, теснившейся вокруг.

Легко представить, сколь огромна была эта толпа. К обычному стечению народа по таким случаям присоединялось чувство нежной привязанности к государю, столь исполненному скромности и доброты. Все возрасты, оба пола спешили к нему; даже больные [4] тащились, чтобы насладиться зрелищем, которое, переполняя их радостью, казалось, возвращало им здоровье. Одни говорили, что теперь могут умереть спокойно, увидев Траяна во главе империи; другие находили в этом новую причину желать жизни. Женщины гордились своей плодовитостью и поздравляли детей, которым предстояло прожить жизнь под властью правителя, занятого единственно их благополучием.

Под звуки этих речей, столь лестных для благородной души, Траян поднялся на Капитолий, а затем направился в императорский дворец, куда вошёл с таким видом, словно возвращался в собственный дом. Его супруга Плотина подражала его скромности; стоя на ступенях дворца, она обернулась к толпе и произнесла памятные слова: «Какой я вхожу сюда, такой и выйду; судьба не изменит моего нрава».

В поведении Траяна, столь милым и столь популярным, не было ни притворства, ни искусственности; оно исходило из сердца, и результаты ему соответствовали. Он выплатил войскам лишь половину вознаграждения, которое императоры обычно давали им при вступлении на престол; а народу, которого, казалось, было менее важно удовлетворить, он полностью выдал предназначенные для бедных граждан пособия. Он сделал это щедро: вместо того чтобы, как было принято, учитывать только тех, кто присутствовал, он пожелал, чтобы те, кто был задержан делами, болезнью или любой другой причиной, получили, как только явятся, положенную им милость. Он включил в список даже малолетних детей, не дожидаясь просьб об этом, раду-

ясь возможности предвосхитить желания отцов. Размышления Плиния по этому поводу столь прекрасны, что я не могу лишиться их своего читателя. «Ты пожелал, – говорит он Траяну, – чтобы с первых лет детства твои граждане находили в тебе общего отца, которому они были бы обязаны своим воспитанием; чтобы они росли и крепили благодаря твоим дарам, ибо они росли для тебя; чтобы пища, которую ты предоставил им в нежном возрасте, вела их к тому, чтобы однажды стать твоими солдатами, и чтобы все были обязаны тебе одному столько же, сколько каждый должен тем, от кого получил жизнь».

Слова Плиния, кажется, указывают не на единовременную щедрость, но на постоянную помощь в течение всего времени воспитания; и, согласно Диону, Траян не ограничил столь похвальную щедрость одним Римом, а распространил ее на все города Италии [5].

Распространяя свои благодеяния, будучи бесконечно далек от того, чтобы одной рукой забирать то, что давал другой, он даже освободил народы и города от добровольных взносов, которые новые императоры обычно получали от них.

Он также считал своим долгом обеспечить изобилие в Риме и Италии, не истощая при этом провинции. Императоры всегда уделяли большое внимание снабжению столицы, но для этого они часто прибегали к конфискациям зерна, вымогательствам и притеснениям; Траян же добился этого мягкостью управления. Он предоставил полную свободу столь необходимой торговле. Жители провинций находили выгоду в доставке зерна в Италию; казна исправно платила им. Таким образом, в Риме царил изобилие, а нехватки не ощущалось нигде. Траян принял меры и создал учреждения, направленные на сохранение этого блага, столь желанного для народа и столь необходимого для спокойствия государства.

Город Рим был настолько хорошо обеспечен, что стал спасением для Египта, страдавшего от голода. Эта богатая и плодородная страна обычно в значительной степени кормила столицу мира; но разлив Нила не достиг нужного уровня, и Египет был поражен неурожаем. Он обратился за помощью к Риму, которому до сих пор так помогал; и Рим, благодаря мудрой предусмотрительности Траяна, оказался в состоянии оказать ему ту услугу, которую сам привык ежегодно получать.

Траян столь же внимательно относился ко всем бедствиям, происходившим в его правление. Рим пострадал от сильного наводнения Тибра и нескольких пожаров, в одном из которых сгорел Золотой дом Нерона. В разных провинциях случались землетрясения, неурожаи, эпидемии: доброта императора приносила каждой беде подходящее облегчение. Чтобы по возможности предотвратить обрушение домов при землетрясениях и сократить расходы на ремонт, он запретил строить здания высотой более шестидесяти футов.

Доносчики процветали при Домициане, а чрезмерная мягкость Нервы помешала ему покарать их с той строгостью, какую требовали их преступления. Траян восполнил упущенное своим предшественником и очистил Рим от этой вредоносной породы, посадив их на корабли и отправив в те же пустынные острова, куда столько невинных, преследуемых ими, были сосланы. Если верить словам Плиния [6], может показаться, что этот ненавистный флот отдан на милость ветров и бурь. Вероятно, это риторический оборот, который в точном смысле означает, что не стали ждать благоприятного сезона, чтобы отправить в плавание столь ненавистных преступников, и были готовы, если они погибнут в пути, легко смириться с такой потерей.

К этому столь грозному примеру для будущих доносчиков Траян добавил суровый указ, превосходивший по строгости указы Тита и Нервы и устанавливавший более жесткие наказания для тех, кто был уличен в ложных обвинениях. Доносчики, как я отмечал в другом месте, были неизбежным злом, порожденным особенностью римских законов, согласно которым любой гражданин мог выступить обвинителем в уголовных делах. Института государственного обвинения в судах не существовало; поэтому приходилось предоставлять частным

лицам свободу обвинять. Но Траян принял все возможные меры, чтобы предотвратить несправедливые и тиранические доносы.

Поводом для этого часто служили фискальные интересы. Доносчики старались выставлять их на первый план и расширять, чтобы под этим благовидным предлогом удовлетворить свою алчность. Траян [7], враг всякой лести, особенно остерегался той, что прикрывалась ложным рвением к его выгодам. Он, конечно, не отменил законных податей, но предотвратил возможность притеснения граждан под этим предлогом. Суды были открыты для всех, кто считал себя обиженным агентами и управляющими императора; и фиск, чье дело, по словам Плиния, никогда не бывает плохим при хорошем принце, часто проигрывал процессы.

Говорят, что его жена Плотина помогала ему сохранить свою славу незапятнанной в этом отношении. Плиний утверждает, что управляющие, выбранные Траяном, были настолько честны, что в делах, касающихся прав принцепса, частные лица часто не просили других судей. Но добрый правитель может быть обманут: отвлечение другими заботами правления, сама склонность к мягкости и снисходительности дают негодьям возможность получить, вопреки намерению государя, должности, предназначенные для добродетели, и злоупотреблять оказавшейся в их руках властью. Говорят, такое случилось при Траяне, и некоторые из его управляющих разоряли провинции отвратительными грабежами. Предупрежденный Плотиной, он наказал виновных и принял меры, чтобы подобное не повторилось. Он имел обыкновение говорить, что фиск в государстве – то же, что селезенка в человеческом теле [8]: она не может расти, не причиняя страданий другим членам и не приводя их к истощению.

Траян даже не побоялся уменьшить свои доходы, введя новые ограничения на право взимания двадцатины с боковых наследств, установленное Августом и уже смягченное Нервой. Более того, он пожелал, чтобы его указ имел обратную силу в отношении степеней родства, которые он освобождал от этого налога, и чтобы те, кто попадал под новое исключение и еще не уплатил, не могли быть к нему принуждены.

Примечательно, что после всех этих разнообразных благодеяний, которые я только что перечислил, Траян оставался в достатке. Одна лишь бережливость, разумное управление и скромность принцепса, как отмечает Плиний, вполне возмещали сокращение его доходов и покрывали все расходы, которые требовались его стремлением облегчать участь народа и осыпать его благодеяниями.

Само собой разумеется, что при таком добром правителе обвинения в мнимых оскорблениях величества не принимались во внимание; люди даже перестали бояться подобных наветов. Мудрость больше не заключалась в том, чтобы позволить себя забыть [9] и погребать свои таланты во тьме: достоинство осмеливалось проявляться, и вместо того, чтобы навлекать опасности и немилость, оно вознаграждалось и почиталось. Траян ценил в гражданах твердость и благородство души. Вместо того чтобы унижать и подавлять сильные характеры, он считал своим долгом возвращать в них благородство и великодушие. Именно им он раздавал должности, жреческие саны и управление провинциями; именно для них он расточал знаки своего уважения и дружбы. Он справедливо полагал [10], что, подобно тому как деспотизм и власть императора – вещи совершенно разные, так и никто не был более склонен любить своего принцепса, чем те, кто с наибольшим нетерпением переносил рабство.

Поэтому он не поддавался подозрениям, страхам и мнительным опасениям; его добродетель служила ему порукой в верности тех, кто был обязан ему повиноваться. Траян доказал это своей благородной уверенностью, когда, вручая Сабурану должность префекта претория, сказал ему, передавая меч – символ его достоинства: «Я вручаю тебе этот меч, чтобы ты использовал его для моей защиты, если я правлю хорошо, или против меня, если я буду править дурно» [11]. Эти великодушные слова, кроме того, подтверждают наше представление о правлении Рима при императорах и показывают, что государственный строй в основе

оставался республиканским, а императорское достоинство следует рассматривать как простую магистратуру, подотчетную республике.

Траян получил хороший урок во время тирании Домициана, и его умеренность отчасти была следствием и плодом этого. «Вы жили среди нас, – говорит его панегирист [12], – вы подвергались опасностям, испытывали тревоги: такова тогда была участь достоинства и добродетели. Вы знаете и испытали, насколько дурных правителей ненавидят даже те, кто делает их дурными; вы помните желания и жалобы, которые разделяли с нами тогда; и теперь, став императором, вы руководствуетесь теми же чувствами, которые испытывали, будучи частным человеком».

Плиний, говоря это, лишь повторял слова самого Траяна, который, когда его упрекали за то, что он недостаточно соблюдает мнимую важность в своем поведении и допускает излишнюю фамильярность, отвечал: «Каким я желал видеть императора по отношению к себе, будучи частным человеком, таким, став императором, я хочу быть по отношению к частным лицам» [13]. Действительно, следуя примеру Августа, он навещал своих друзей – и здоровых, и больных; если они справляли какое-либо семейное торжество, он приходил и садился среди гостей; он часто занимал место в их колесницах. Он чувствовал себя достаточно достойным, чтобы не нуждаться в том, чтобы подчеркивать это пышностью.

У него были друзья [14], потому что он и сам был другом в самом точном смысле этого слова, и он полностью доверял им. Некоторые пытались внушить ему подозрения против Лициния Суры, который был ему очень предан и, по-видимому, даже способствовал его усыновлению Нервой. Траян отправился ужинать к Суре. Войдя в дом, он отпустил всю свою стражу; он воспользовался услугами хирурга этого сенатора для ухода за своими глазами; он позволил его брадобрее побрить себя; и после бани и ужина на следующий день сказал тем, кто пытался посеять в его душе подозрения: «Если бы Сура хотел меня убить, он сделал бы это вчера».

Так Траян заслужил искреннюю любовь и привязанность. Он знал, что любовь нельзя приказать и что ее можно добиться только любовью. «Правитель, – говорит Плиний, – может быть ненавидим некоторыми, сам никого не ненавидя; но если он не любит, его тоже нельзя любить». Траян не только не боялся унизиться дружбой, но и считал, что для государя нет ничего низменнее ненависти. Любить было для него так же приятно, как быть любимым.

История называет среди его главных друзей Суру, о котором я уже говорил; Соссия Сенециона, которому Плутарх посвятил несколько своих нравственных трактатов; Корнелия Пальму и Цельса. Траян велел воздвигнуть всем им статуи, а память Суры, умершего раньше него, почтил великолепными похоронами и памятником, посвященным его имени. Он построил бани, которые назвал Суранскими.

Он любил своих друзей ради них самих, без личной выгоды, не требуя от них услуг и считая своим долгом оставлять им свободу – оставаться ли при его особе или удалиться от двора, если они предпочитали покой. Плиний приводит нам замечательный пример. Один префект претория, назначенный Траяном, хотя не стремился к этой должности, вскоре ею разочаровался и попросил разрешения оставить ее, чтобы провести остаток дней в своем поместье. Император охотно удержал бы его, но не хотел принуждать: он уступил его просьбам, не переставая любить. Он проводил его до самого берега моря, нежно обнял при расставании и, приглашая вернуться, позволил ему уехать.

Его доброта распространялась не только на друзей; она проявлялась в легкости его аудиенций, на которые он допускал всех без различия. Ни одна площадь, ни один храм не были более открыты и доступны, чем дворец Траяна. Нерва приказал поместить на фронте императорского дворца надпись: «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДВОРЕЦ». Траян полностью оправдывал это название; казалось, что жилище принцепса было жилищем всех граждан: там не было закрытых дверей, никто не встречал отказа или препятствий со стороны стражи; все там было скромно и спокойно, как в частном доме: Траян принимал всех, выслушивал каждого, кто к нему обра-

щался. Человечный, приветливый, занятый делами, о которых ему говорили, как будто у него не было других, он даже вступал в непринужденные беседы с теми, кто не имел к нему никаких дел. Была полная свобода приходиться выражать ему почтение и полная свобода отсутствовать. Живя так среди своих граждан, как отец среди детей, он находил в любви народов безопасность, которую усиленная стража, террор и жестокость не смогли обеспечить Домициану. «Да, – говорит Плиний, – мы знаем по опыту, что лучшая защита для принцепса – это его доброта и добродетель. Нет крепости, нет стены более неприступной, чем отсутствие нужды ни в крепости, ни в стене. Напрасно окружать себя грозной стражей тому, кто не защищен любовью своих; оружие раздражает и провоцирует оружие».

Траян умел ценить удовольствия общества, и они служили приправой его трапезам. За его столом всегда присутствовали некоторые из первых и самых добродетельных граждан. В его беседах царила свобода и даже веселость; он шутил, отвечал. Там не восхищались золотой и серебряной посудой, ни разнообразием блюд и изысканностью соусов. Приятная веселость, непринужденные разговоры, иногда затрагивающие литературные темы, делали трапезу Траяна истинным и приятным отдыхом как для императора, так и для его гостей.

В целом, манеры Траяна были просты, и его развлечения носили отпечаток этой простоты. Он любил охоту и занимался ею без роскоши и изнеженности, сам спугивал зверя и преследовал его через горы и долины. Если он совершал морскую прогулку, то наблюдал за маневрами, сам участвовал в них и брался за весло, когда нужно было побороть ярость ветра и волн.

Я не устаю цитировать самые прекрасные размышления Плиния. Вот как он рассуждает о характере развлечений Траяна:

«Есть удовольствия, – говорит он [15], – которые свидетельствуют о чистоте нравов и умеренности того, кто их испытывает. Кто из людей не имеет хотя бы видимости серьезности в своих занятиях? Досуг нас раскрывает. Охота, это военное упражнение, делает честь принцепсу, чьи развлечения – лишь смена труда [16]. – Не то, – добавляет Плиний [17], – чтобы забота о закалке тела и придании ему силы сама по себе заслуживала больших похвал, но если это крепкое тело управляется еще более крепким духом; если к внешней силе присоединяется мужество, не изнеженное и не ослабленное милостями судьбы и удовольствиями, окружающими трон, – вот тогда я восхваляю упражнение, в котором усталость приятна и где прирост сил покупается ценой трудных походов».

Пример добродетелей Траяна сначала повлиял на его семью. Его жена и сестра подражали его скромности; они жили в полном согласии и делали его столь же счастливым в частной жизни, сколь он был велик на публике: по крайней мере, так говорит Плиний, чьи похвалы, возможно, здесь несколько преувеличены; ведь постоянное покровительство, которое Плотина оказывала Адриану вопреки желанию Траяна, и интриги, которые она вела, чтобы возвести того же Адриана на трон, не дают хорошего представления о почтительности этой императрицы к воле своего супруга.

Но ничто не мешает нам верить свидетельству Плиния [18], когда он утверждает, что общественные нравы преобразовались по образцу принцепса, и что при столь добродетельном императоре люди стыдились любить порок. «Такова, – говорит он [19], – сила примера государя. Мы – мягкий воск в его руках; мы следуем за ним, куда бы он ни повел; ибо мы хотим заслужить его расположение и уважение, чего не могут добиться те, кто на него не похож. Добавьте мощный стимул наград. В самом деле, добродетель или порок [20], получающие воздаяние, формируют хороших или дурных людей. Немногие обладают душой достаточно возвышенной, чтобы любить добро ради него самого и не выбирать между добродетелью и ее противоположностью в зависимости от успеха. Подавляющее большинство – это те, кто, видя, что плоды труда достаются бездельникам, а безумие разврата уносит почести, причитающиеся мудрости и доброму поведению, стремится достичь успеха теми же путями, что и другие, и подражает почитаемым порокам. И наоборот, когда добродетель привлекает милость прин-

цепса и награды, которые за ней следуют, ее естественный блеск, подкрепленный вознаграждением, вновь обретает власть над сердцами».

Даже толпа оказалась восприимчива к урокам добродетели, которые Траян ей преподавал. Известно, каким было увлечение народа пантомимой. Домициан изгнал актеров; Нерва был вынужден вернуть их: народ сам попросил Траяна отменить этот соблазнительный спектакль, соединявший все прелести порока. Таким образом, этот принцепс удостоился славы исправить пагубное злоупотребление по просьбе тех, кто всегда был его защитником; и вместо того, чтобы прибегать к страху [21] – ненадежному проводнику на пути долга, – он оставлял тем, кого направлял к добру, честь казаться избравшими его по собственному побуждению.

Благотворное влияние примера столицы распространилось на провинции. Первый магистрат Вьенны в Галлии, по имени Требоний Руфин, своим указом отменил гимнастические состязания, учрежденные завещанием одного гражданина. Дело вызвало спор и было передано на рассмотрение Траяну, который разбирал его в совете. Плиний присутствовал. После того как Требоний сам изложил свою позицию, перешли к голосованию, и Юний Маврик высказался за подтверждение отмены, постановленной магистратом Вьенны, добавив: «Да будет угодно богам, чтобы подобные зрелища были отменены и в Риме!» Его мнение возобладало, и гимнастические состязания в Вьенне были запрещены.

Траян, сам не будучи ученым, проявлял большое уважение к искусствам и тем, кто ими занимался. Его склонность к военному делу не позволила ему посвятить себя литературе, но, обладая возвышенным умом, он не мог не чувствовать ценности знаний, которые не имел возможности приобрести. Он любил их; ему нравилось слушать о них. Чтобы облегчить их распространение, он учредил библиотеки. Таким образом, он вернул к жизни все отрасли литературы, погибавшие от гонений, которым они подвергались при Домициане [22]. Он был прав, защищая изучение мудрости и все искусства, облагораживающие человечество, поскольку в своем поведении он исполнял обязанности, которые они предписывают. Их уроки были ему похвалой; и за честь, которую они ему оказывали, он был обязан им любовью и покровительством.

Плиний сообщает нам еще несколько других черт хорошего правления Траяна, и я изложу их в том порядке, в каком он их представляет: «Вы делаете нас, – говорит он [23], – участниками вашего имущества, вашего августейшего жилища, вашего стола: и в то же время вы желаете, чтобы мы пользовались собственностью того, что нам принадлежит. Вы не захватываете владения частных лиц, как поступали многие из ваших предшественников. Цезарь видит что-то, что ему не принадлежит: и в итоге государство оказывается больше, чем владения принцепса».

Траян пошел еще дальше. Обремененный множеством загородных домов, дворцов и великолепных садов, которые были захвачены жадностью первых цезарей, он приказал продать часть из них, а другую раздарил, считая, что ничем не владеет так прочно, как тем, что принадлежит его друзьям.

Если из скромности и щедрости он избавлялся от множества зданий, принадлежавших императору, легко понять, что он мало интересовался строительством новых для себя. Траян любил великолепие, но лишь в отношении общественных сооружений. Плиний [24] упоминает о портиках, храмах, возведенных или завершенных по его приказу, о значительном расширении Цирка, в котором он не пожелал иметь отдельной ложи, довольствуясь тем, чтобы сидеть на зрелищах, как простые граждане.

В дальнейшем своем правлении он осуществил еще более грандиозные проекты. Самый знаменитый – новая площадь, которую он построил в Риме и которая носила его имя. Чтобы подготовить место для нее, пришлось срезать холм высотой в сто двадцать восемь футов. Он окружил ее галереями и прекрасными домами, а в центре воздвиг знаменитую колонну, сохранившуюся до наших дней под его именем, предназначенную служить ему гробницей и чья высота, как гласит надпись [25], указывает на уровень, до которого прежде поднималась земля,

теперь выровненная. Эта площадь и эта колонна – творения, которые вызвали наибольшее восхищение у императора Констанция, когда он посетил Рим. Он счел их неподражаемыми и отчаялся создать что-либо подобное.

Украшая Рим, Траян не пренебрегал и провинциями. Он основал там несколько колоний, проложил большую дорогу через всю длину империи с востока на запад, сквозь варварские народы, от Понта Эвксинского до Галлии. Он укрепил лагеря и замки на границах и во всех местах, где это было необходимо. В Испании, где он родился, мост через Тахо у Альматары – чудесное сооружение – и большие дороги, которые не смогли полностью разрушить даже века, остаются памятниками его великолепия. Я расскажу в другом месте о порте, который он построил в Чивита-Веккии, и о мосте, возведенном им на Дунае.

Князь, так счастливо правивший миром, был и его отрадой: и общественная благодарность выражалась ему способом столь же простым, сколь искренним. Ему не воздавали божественных почестей. Его статуи не заполняли город: их было немного, и они были из того же металла, что и статуи Брутов и Камиллов, чьи добродетели он так точно воплощал. Его похвалы не гремели в сенате к месту и не к месту. Сенаторы не считали себя обязанными, высказываясь по совершенно посторонним вопросам, неуместно подносить государю свои восторги. Они хвалили его, когда того требовал случай, от души, просто, без напыщенности, без преувеличений. Искренность их похвал избавляла их от пышности, которой лесть прикрывает свою ложь.

Таким поведением они следовали намерениям Траяна, чья скромность отвергала все титулы и почести, выходявшие за рамки обычного. «Вы знаете, – говорит ему Плиний [26], – где заключается истинная слава монарха, слава бессмертная, над которой не властны ни пламя, ни течение веков, ни завистливая злоба преемников. Триумфальные арки, статуи, алтари и храмы подвержены разрушению от времени, забвению, небрежению потомков и даже их осуждению. Но душа, возвышающаяся над тщеславными амбициями и умеющая ограничивать гордыню безграничной власти, – вот что обеспечивает почести, которые время не может увязить, а, напротив, придает им новую свежесть и жизнь. Князя, руководящегося этими принципами, хвалят охотнее именно потому, что в этом нет принуждения». Добавим, что государи по своему положению обречены на славу, которая может быть хорошей или дурной, но которая не может исчезнуть. Поэтому им следует желать не того, чтобы о них помнили вечно, а того, чтобы их память чттили. А этого они достигнут благодеяниями и добродетелью, а не изображениями и статуями.

Траян при жизни никогда не позволял воздвигать себе храмы. Что касается трофеев и триумфальных арок, он не противился такого рода памятникам, когда заслуживал их своими подвигами. Его даже упрекали в том, что он умножал их чрезмерно: и всем известна шутка, в которой его сравнивали с парietарией [27], потому что его имя, как и это растение, прилипало ко всем стенам. Возможно, опьянение высоким положением и военными успехами со временем несколько изменило благородную простоту его первоначальных чувств. Но в начале его правления я не вижу ничего, что мешало бы нам думать вместе с Плинием, что свидетельства общественного почтения, которые привлекала его доброта, были не только истинными, но и, по его вкусу, гораздо выше самых пышных памятников.

Народ дал ему прозвище OPTIMUS, «наилучший»: прозвище новое [28], и чью первую славу высокомерие прежних императоров оставило Траяну. Они стремились накапливать громкие титулы, но пренебрегли этим, который, по суждению беспристрастных ценителей, бесспорно, есть прекраснейший, каким может быть украшен смертный. Траян почувствовал всю его ценность и постоянством доброго правления в течение всего своего царствования показал себя столь достойным его, что сделал его как бы своим собственным. Это имя стало его особым атрибутом, отличительной чертой: и в позднейшие времена, когда новым князьям расточали самые лестные приветствия, им желали быть «счастливее Августа и лучше Траяна»: FELICIOR AUGUSTO, MELIOR TRAJANO.

Вероятно, употребление этого титула для Траяна установилось лишь с течением времени. Можно предположить, что это не было результатом формального решения, но что сначала его дал ему глас народа. Он постепенно укрепился и вошел в употребление в памятниках и документах. Лишь к концу правления этого императора его стали обычно помещать на его монетах.

Помимо этого прочного титула, который любовь народа и сената даровала Траяну, внезапные возгласы одобрения, которые следует считать порывистым выражением не сдерживаемой привязанности, часто наполняли этого доброго принца радостью и венчали его славой. В его присутствии часто восклицали: «Счастливые граждане! Счастливый император! Пусть он всегда проявляет ту же доброту! Пусть всегда слышит из наших уст те же пожелания!» И при таких трогательных словах Траян краснел и проливал слезы радости, ибо чувствовал, что они обращены к нему лично, а не к его высокому положению.

Особенно во время своего третьего консульства он заслужил эти восторженные возгласы, столь сладостные для доброго правителя. Обстоятельства, сопровождавшие принятие этой должности, ее исполнение и сложение полномочий, дали римлянам повод для восхищения и причину для преданности.

Прежде всего, соглашаясь в третий раз стать консулом, он подражал скромности Нервы и разделил эту честь с двумя частными лицами, которым также даровал третье консульство. Он сделал обоих своими коллегами, но продлил свой срок до четырех месяцев, тогда как для других он ограничивался половиной этого срока. Один из них – Фронтин или, что более вероятно, Фронтон, о котором мы уже говорили при Нерве. Другой нам совершенно неизвестен. Но мы знаем, что Траян выбрал их по рекомендации общественного мнения и особого уважения, которым они пользовались в сенате. Они были среди тех, кого сенат назначил комиссарами при Нерве для изыскания способов сокращения государственных расходов. Траян считал своим долгом почтить тех, кого чтит сенат, и в том же порядке, в каком их поставил сенат.

Плиний справедливо усматривает в этом повод для похвалы своему принцу и призывает его всегда следовать тому же принципу. «Судите о нас, – говорит он [29], – по нашей репутации: пусть только она привлекает ваши взоры и внимание. Не прислушивайтесь к тайным доносам и скрытым обвинениям, которые не столько опасны для тех, против кого направлены, сколько для тех, кто им внимает. Надежнее руководствоваться мнением всех, чем мнением одного. В этих тайных и загадочных сообщениях один может обманывать и быть обманутым. Но никто никогда не обманывал всех, и общее мнение никогда никого не обманывало».

Решив принять консульство, Траян не уклонился ни от одной части церемониала, принятого тогда для кандидатов. Народ еще имел некоторое участие в выборах магистратов, хотя бы формальное. Император отправился на Марсово поле и, спокойно стоя посреди собрания, как и другие претенденты, ожидал своего назначения.

К этому великому проявлению скромности Траян тут же добавил еще более примечательное. Как только он был избран, он явился к консулу, председательствовавшему в собрании, чтобы принести ту же присягу, что и частные лица в подобных случаях. Он стоял, а сидящий консул зачитывал формулу присяги, которую император повторял слово в слово. Верный своим принципам, он в тот же день или при вступлении в должность поднялся на ораторскую трибуну и поклялся соблюдать законы. Он поступил так же, сложив полномочия. Снова взойдя на трибуну, так долго презираемую его предшественниками, он поклялся, что не нарушил законов.

Не знаю, был ли хоть один император – до или после Траяна – который подчинился бы всему этому церемониалу. Но из его поведения явствует, как я уже отмечал ранее, что он считал республику все еще существующей, видел себя не господином, но главой и первым магистратом и был убежден, что полнота власти принадлежит не ему, а государству в целом.

Это же выражают и слова его речи, произнесенной в сенате 1 января. Он призвал собрание вернуться к пользованию свободой, заботиться об империи как об общем благе и блю-

сти общественную пользу. Такие слова были обычны в устах императоров, но от Траяна они сочлись искренними.

Совершенно необычной была формула, в которой он пожелал выразить пожелания, высказанные ему республикой 3 января согласно обычаю, установленному со времен Августа. Он сам добавил к пожеланиям своего здоровья и процветания условие: «При условии, что он будет править хорошо и на благо всех дел республики» [30]. Это было крайне популярно и в то же время показывало его уверенность в себе: он желал продления своих дней лишь в зависимости от благополучия республики и не допускал, чтобы за него возносили пожелания, не связанные с пользой тех, кто их высказывал.

Затем настал день назначения магистратов, стоящих ниже консулов, – то есть преторов, эдилов, квесторов и т. д. Ибо так, я полагаю, следует понимать общие выражения Плиния, который, говоря о вещах, хорошо известных его слушателям, не считал нужным выражаться точно и определенно. Это назначение происходило по голосованию сената, и Траян председательствовал как консул. Легко понять, что выборы, проходившие под председательством императора, зависели главным образом и почти исключительно от него. Но Траян объявил кандидатам, что они могут надеяться получить от принца желаемые почести лишь в той мере, в какой они испросят их у сената и получают голоса этого августейшего собрания, к уважению к которому он их призвал.

Выбирая между кандидатами, он многое учитывал знатность их предков. Если оставались еще отпрыски древних родов, которые Цезари так долго стремились уничтожить, он поощрял их, с удовольствием возвышал и, проявляя похвальное бескорыстие, чтит в них преимущество, которого сам не имел. Он также принимал во внимание прежние заслуги: добросовестное исполнение низшей должности было лучшей рекомендацией для повышения. Он взвешивал свидетельства, данные кандидатам людьми чести и добродетели. Он не упускал ничего, что могло помочь ему распознать достоинства и возвысить их, – и все это без использования императорской власти, действуя почти как простой сенатор и подавая пример скорее своим поведением, чем авторитетом. Те, кто получал назначение столь почетным образом, были, конечно, весьма довольны, но Траян умел не оставлять недовольными даже тех, кто не получил должности. Первые удалялись, преисполненные радости [31], вторые – утешенные надеждой.

Но это еще не все. Как только каждый кандидат получал должность, которую испрашивал, Траян поздравлял его с дружеской простотой. Он сходил с курульного кресла, чтобы встретить его и обнять, так что император и кандидат оказывались на одном уровне. И сенат, некогда видевший презрительную надменность Домициана, который едва достаивал поцелуя руки первых лиц государства, теперь с восхищением наблюдал, как исчезает неравенство между дарующим должность и получающим ее. Сенат не смог сдержать восторга [32]. Со всех сторон зала раздались возгласы: «Тем вы величественнее, тем более достойны нашего уважения!» И ничего не могло быть справедливее. – «Тот, кто достиг вершины величия, – говорит Плиний, – может расти лишь унижаясь добротой. И его достоинство ничуть не страдает. Нет для государя опасности менее страшной, чем опасность унижения».

Траян так мало боялся этой опасности, что в молитве, которой он, по обычаю, начал [33] собрание для выборов, без колебаний поставил себя на третье место: «Я молю богов, – сказал он, – чтобы выборы, которые сейчас состоятся, послужили к вашей пользе, пользе республики и моей». А в заключительных пожеланиях церемонии он добавил слова, столь же исполненные скромности, сколь и выражающие справедливую уверенность в своей добродетели: «Да услышат боги мои молитвы в той мере, в какой я буду продолжать заслуживать ваше уважение» [34].

Сенат ответил на эти восхитительные пожелания возгласами нежности. «Счастливым принц! – восклицали они [35], – не сомневайтесь, что вы навеки будете любимы нами. Верьте нашему свидетельству; верьте тому, что вам дарует ваша собственная добродетель. Как мы

сами счастливы! Пусть боги любят нас! Пусть они любят нашего принца, как наш принц любит нас!»

Обычай подобных аккламаций существовал уже давно, как я отмечал в другом месте; но обычно это были пустые слова, не исходившие от сердца и вырванные необходимостью обстоятельств; потому и не заботились увековечить их память, и они умирали при рождении. Те, которые искренняя привязанность оказывала Траяну, не заслуживали такого пренебрежения. Сенат постановил, после долгих усилий получив согласие принца, выгравировать их на бронзе, чтобы они пробуждали соперничество у последующих императоров и учили их отличать выражения сердца от лести.

В остальных обязанностях консула Траян всегда оставался неизменным. Ни одну из них он не считал недостойной себя; исполнял все с той же усердностью и точностью, как если бы был лишь консулом. Он председательствовал на заседаниях сената; восходил на трибуну, чтобы вершить правосудие для всех обращающихся. Он не умалял достоинства никакой магистратуры и оставлял каждой свободное осуществление её прав. Поскольку преторов всегда считали коллегами консулов, Траян-консул называл их своими коллегами, не обращая внимания на статус императора, который возносил его так высоко над ними.

Дело Мария Приска, рассмотренное в январе, позволило Траяну проявить внимание и терпение в исполнении консульских обязанностей. Приск, будучи проконсулом Африки, разграбил провинцию; и он настолько не скрывал этого, что добровольно соглашался на наказание, предусмотренное законом для вымогателей – возврат всего захваченного. Но это был не единственный его проступок: он стал жестоким из алчности и не постеснялся принять деньги от Паргента за осуждение и казнь невинных. Чудовищность этих злодеяний передала дело на рассмотрение сената. Плиний и Тацит выступили защитниками африканцев. Дело обсуждалось три дня подряд, и каждое заседание длилось до вечера. Траян присутствовал при всём, не утомляясь от долготы, не используя свою власть для стеснения – каким бы то ни было образом – свободы исследования и мнений. Его доброта проявилась в том, что когда Плиний, вынужденный говорить пять часов подряд с большим напряжением, рисковал повредить своему хрупкому здоровью, император несколько раз велел предупредить его о необходимости беречь силы. В итоге Приск был приговорён к изгнанию – высшей мере по римским законам; но часть несправедливо награбленного он сохранил [36] и увёз с собой в ссылку. Там, по выражению сатирика, он наслаждался самым небом, гневавшимся на него, пируя и расточая богатства, пока выигравшая процесс провинция оставалась в слезах и разорении.

Кажется, к тому же году следует отнести другое дело того же рода, в котором Плиний вновь выступил защитником провинции, угнетённой проконсулом [37]. Цецилий Классик, африканец по происхождению, обращался с Бетикой так же, как Марий Приск, уроженец Бетики, – с африканцами. Плиний, уже служивший справедливого гневу этой провинции против Бебия Массы, счёл невозможным отказать в помощи в новой нужде. Однако Классик избежал суда сената благодаря смерти – естественной или добровольной. Таким образом, обвинителю оставалось требовать лишь компенсации из его имущества в пользу жителей Бетики, что и было получено. Затем он обрушился на тех, кто стал орудием несправедливостей проконсула. Их было множество, и они оправдывались мнимой необходимостью для провинциалов повиноваться римскому магистрату. Их извинения справедливо сочли неубедительными, и они были приговорены к разным наказаниям в зависимости от степени вины. Провинция включила в обвинение жену и дочь Классика: на жену пали некоторые подозрения, но доказательств не нашлось, и её оправдали. Что до дочери, Плиний, считая её невинной, заявил, что не станет привлекать её и не послужит орудием несправедливого преследования.

Оба дела – против Приска и Классика – были поручены ему по решению сената; и те же приговоры, что осуждали виновных, изобиловали похвалами рвению, таланту и честности защитника.

Плиний стал консулом в том же году, когда выступил защитником в этих двух значительных процессах. Он занимал пост консула в течение сентября и октября, а его коллегой был Тертулл Корнут, о котором он часто упоминает в своих письмах – друг всей его жизни, спутник в опасностях во времена тирании Домициана, уже ранее разделявший с ним обязанности смотрителя государственной казны. Для обоих стало сладостным удовлетворением вновь объединиться в исполнении высшей магистратуры. Каждый чувствовал ответственность как за себя, так и за коллегу; Траян же довершил свое благодеяние похвалами, которыми удостоил их при назначении, а также свидетельством о их любви к добродетели и общественному благу, ставившей их вровень с древними консулами.

Именно во время своего консульства Плиний произнес знаменитую панегирическую речь, из которой я почерпнул почти все сказанное мной до сих пор о Траяне. Хотя это хвала, а не исторический памятник, я счел возможным использовать ее с доверием, ибо история, за малыми исключениями, говорит об этом императоре так же, как Плиний.

Порядок расположения его писем позволяет предположить, что примерно в это время произошла трагическая смерть бывшего претора, убитого своими рабами. Его звали Ларгий Македон, сын вольноотпущенника, жестокий и бесчеловечный господин, который, видя в своих рабах [38] отражение положения, в котором жил его отец, вместо того чтобы смягчиться и обращаться с ними мягче, напротив, ожесточался и тем сильнее предавался всяческому зверству. Рабы отомстили: несколько из них сговорились, напали на него в бане, избили до смерти и оставили лежать на полу как мертвого. Однако в нем еще теплилась жизнь; другие, более верные рабы оказали помощь, он пришел в себя и прожил достаточно, чтобы увидеть казнь своих убийц. В данном случае, судя по всему, никто не помышлял о применении того ужасного закона, который предписывал казнить всех рабов, находившихся под одной крышей с убитым господином; и легко понять, сколь несправедливым было бы это здесь.

Год третьего консульства Траяна стал первой вехой возвышения Адриана, впоследствии унаследовавшего империю. В этом году он женился на Юлии Сабине, внучатой племяннице императора и его ближайшей наследнице.

Множество уз уже связывало его с Траяном. Он родился в Риме, но происходил из Италии – родины этого принцепса. Его дед Марцеллин был первым сенатором в их семье; отец, Элий Адриан Афер, не поднялся выше претуры; однако Афер был двоюродным братом Траяна и, умирая, назначил его опекуном своего десятилетнего сына вместе с Целием Татианом [39], римским всадником. Когда Траян был усыновлен Нервой, Адриан служил трибуном в армии Нижней Мезии и был послан войсками поздравить своего кузена и опекуна с усыновлением, сулившим тому высший ранг. Он прибыл, получил от нового Цезаря должность в армии Верхнего Рейна, а после смерти Нервы первым доставил эту весть Траяну в Нижнюю Германию и приветствовал его как императора. Чтобы стяжать эту заслугу перед ним, ему пришлось преодолеть препятствия, что он и сделал благодаря необычайной активности. Его шурина Сервиана, преследовавший ту же цель, мешал ему, задерживал, даже устроил поломку его повозки в пути: Адриан завершил путь пешком и все же опередил гонца шурина.

Этот рьяный порыв ясно показывает честолюбивые замыслы Адриана, имевшие под собой основания, ибо Траян был бездетен. Однако его расточительность и долги настроили Траяна против него, тем более что тот и без того не питал к нему склонности, вероятно, из-за замеченных в Адриане, наряду с великими достоинствами, зачатков пороков, способных стать опасными. Похвальные черты Адриана мало располагали к нему Траяна. Адриан, одаренный врожденной склонностью к наукам, охватил их все. Он совершенствовался в красноречии на греческом и латыни, изучал философию и право – но такого рода достоинства едва ли могли нравиться малообразованному Траяну. Любовь Адриана к наукам и искусствам влекла его к миру; его правление показывает, что честь расширения империи завоеваниями трогала его менее, чем честь мудрого управления. Траян же любил войну, и блеск трофеев и побед был

его страстью. Но более всего легкомыслие, капризная непостоянность Адриана, его завистливый, подозрительный нрав, ревность к чужим заслугам – эти пороки должны были оттолкнуть от него великодушное сердце Траяна. Проницательный Адриан не мог не заметить неблагоприятного расположения императора и обратился к Плотине, супруге Траяна, имевшей на него большое влияние. Он снискал дружбу этой принцессы; ее постоянное покровительство породило у злоязычных подозрения, порочившие добродетель Плотины: ее обвиняли, что благодеяния Адриану внушены безумной и преступной страстью. Дион определенно утверждает это. Как бы то ни было, несомненно, что именно Плотина, вместе с Лицинием Сурой, убедила Траяна против его воли выдать за Адриана свою внучатую племянницу Сабину. Сабина была дочерью Матидии, которая, в свою очередь, происходила от Марцианы, сестры Траяна.

Сенат, восхищенный действиями Траяна в его третье консульство, упросил его принять четвертое. Принцепс уступил настояниям сенаторов и стал консулом в четвертый раз вместе с Аттикулеем Петом.

В том же году он назначил Адриана своим квестором. Поскольку одной из обязанностей императорского квестора было выступать от его имени и зачитывать в сенате речи принцепса, Адриан, исполняя эту должность, вызвал насмешки своим деревенским и провинциальным произношением. В пятнадцать лет он пожелал увидеть родину и семью, отправился в Испанию, где провел несколько лет, успев перенять местный акцент; к тому же до тех пор он уделял больше внимания греческой словесности, нежели латинской. Урок, преподанный упомянутым событием, заставил его исправиться: он осознал необходимость совершенствоваться в латинском красноречии, приложил все усилия и преуспел настолько, что стал лучшим оратором своего времени.

После квестуры он был поставлен во главе составления сенатских протоколов, но вскоре оставил этот пост, чтобы последовать за Траяном на войну против даков.

Известно, что этот народ и его царь Децебал заставили Домициана дрожать, и тот счел себя счастливым, купив мир данью, хотя, будучи столь же тщеславным, сколь и трусливым, притворялся победителем тех, кто диктовал ему условия. Даки, со своей стороны, возгордившись успехом, увеличивали войска и оскорбляли римлян; поэтому разрыв договора следует, вероятно, приписать обоюдной вине Траяна и Децебала. Первый не мог вынести унижения, позорившего величие империи, а второй слишком явно его демонстрировал.

Подробности подвигов Траяна в этой войне малоизвестны, так как кроме отрывочных записок историка Диона [40] иных источников нет. Известно лишь, что кампанию он начал с блистательной победы, уничтожив вражескую армию, но римляне заплатили за это кровью. Многие пали убитыми, еще больше было ранено, и Траян проявил к тем и другим милосердие истинного государя. Поскольку перевязочных средств не хватало для множества раненых, он отдал для этой цели собственную одежду. Погибших он почтил пышными похоронами и повелел ежегодно совершать в их память торжественные жертвоприношения.

Траян развил успех. Разделив армию на три корпуса, он лично командовал одним, а два других поручил мавританскому вельможе Лузию Квиету (о котором еще будет речь) и Максиму. Тесня Децебала от укрепления к укреплению, он захватил несколько замков на высоких горах и наконец достиг столицы Дакии – Сармизегетузы, некогда крупного города, чьи руины ныне видны в трансильванском селении Вархель.

Децебал встревожился уже при первых маневрах Траяна. Будучи искусным полководцем, он понял, что имеет дело не с Домицианом, а с римлянами, вновь обретшими былое превосходство под началом грозного императора, чьей мощи никто в мире не мог противостоять. Поражение в битве подтвердило его худшие опасения, и он запросил мира. Встреча с Траяном была ему отказана; вместо императора переговоры вели Лициний Сура и префект претория Клавдий Ливиан. Децебал, презрев переговоры с простыми чиновниками или не доверяя им, отправил своих придворных. Соглашения не достигли. Но когда даки лишились крепостей,

а столица оказалась на грани осады, а сестра царя попала в плен к Максиму, Децебал сдался безоговорочно.

Он принял тяжкие условия: сдать оружие, осадные машины, инженеров, выдать перебежчиков и более не принимать их, разрушить крепости, отказаться от завоеваний, а также считать друзей и врагов Рима своими. После этого ему позволили предстать перед Траяном. Царь пал ниц, бросил оружие в знак поражения, поклялся выполнить условия и – что примечательно – отправить послов в сенат для окончательного утверждения мира. Послы прибыли в Рим лишь с Траяном, оставившим гарнизоны в Сармизегетусе и других ключевых пунктах Дакии перед возвращением в Италию.

Представ перед сенатом, послы повторили унижительный ритуал: бросили оружие, сложили руки в мольбе, ожидая судьбы от победителей, и получили прощение с ратификацией договора.

В честь победы Траян отпраздновал триумф и принял титул «Дакийский». Филострат приводит нелепую басню об этом триумфе, типичную для его безрассудных сочинений [40]. Он пишет, что в колеснице императора рядом был софист Дион Хризостом, к которому Траян, обернувшись, слащаво говорил: «Не понимаю ваших речей, но люблю вас, как себя». Уже сам факт упоминания этой чепухи опровергает ее.

Триумф сопровождался играми и зрелищами. Траян устроил бои гладиаторов, где воинственный принцепс видел отражение войны. Он также вернул пантомимов, без которых римская чернь не могла жить. Хотя под влиянием минутного порыва к чистоте нравов толпа требовала их изгнания, сердце влекло ее назад. Дион добавляет, что сам Траян любил пантомимов. Император, образец в управлении, в личной жизни был распушен: история упрекает его в противоестественных пороках. Именно связь с пантомимом Пиладом, по словам Диона, заставила Траяна восстановить зрелище, недавно им же запрещенное.

Согласно Тильмону, победа над даками относится к четвертому консульству Траяна, а триумф – к тому же или следующему году, когда консулами были Лициний Сур и малоизвестный Суран.

Мир с даками длился два года. Дион не сообщает о Траяне ничего, кроме усердия в управлении и личного разбора судебных споров. Однако письма Плиния [43] дают дополнительные сведения, из коих выберу наиболее любопытные.

В год консульства Суры или в конце предыдущего умер Фронтин – знаменитый сановник, чьи труды актуальны и ныне [41]. Я упоминал его претурю при Веспасиане. Консулом он стал при том же императоре, затем правил Британией, где, по словам Тацита [42], совершил подвиги. Нерва назначил его смотрителем акведуков Рима – пост для избранных. Фронтин обладал ясным умом, добросовестностью, сочетал опыт с ученостью. Этим мы обязаны его трудам, главные из которых – «Стратегемы» и «Записки о римских акведуках». Во вступлении к последнему он пишет: «Получив от императора Нервы должность смотрителя, я счел необходимым изучить предмет своей службы, ибо основа управления – точное знание необходимого. Стыдно и невыносимо, когда начальник руководствуется указаниями подчиненных. Их помощь нужна, но лишь как орудие в руках разума».

Плиний [43] хвалит честность Фронтина, ставя его среди достойнейших мужей Рима. Он унаследовал ему в звании авгура, испросив это у Траяна.

Жречество, такое как авгурат, было вершиной возвышения для первых лиц сената; и Плиний был поздравил друг, особенно подчеркивавший соответствие, которое этот новый пост устанавливал между ним и Цицероном, также бывшим авгуром. Плиний отвечает на этот комплимент с несомненно уместной скромностью, но от этого не менее приятной. «Да будет угодно богам, – говорит он [44], – чтобы, подобно тому как я стал его ровней в жреческом и консульском достоинствах, достигнув их даже в гораздо более молодом возрасте, чем он, я смог бы и в зрелые годы сравняться с возвышенностью его гения! Но знаки отличия, завися-

щие от воли людей, были дарованы и мне, и многим другим: божественный талант, которым он прославился, слишком трудно достичь; было бы даже самонадеянно надеяться на это – его нужно получить от небес».

Один частный случай, весьма похвальный для молодого человека, заслуживает упоминания здесь. Эгнаций Марцеллин, отправившись в провинцию (которую Плиний не называет) в качестве квестора, взял с собой писца, но тот умер до истечения срока его службы. Молодой квестор, получивший из государственной казны средства для выплаты жалования писцу, посчитал, что эти деньги не должны оставаться у него. Он обратился к императору с вопросом, как ими распорядиться, и был направлен в сенат. Там возник спор, который был рассмотрен и решён по правилам между наследниками писца и управляющими государственной казны. Сенат вынес решение в пользу последних. Но что более всего привлекло внимание в этом деле – это благородство поступка Эгнация, которое было единодушно одобрено.

Дела, которые часто вызывали бурные волнения во времена республики, теперь решались в полном спокойствии при единовластном правлении: примером тому служит вопрос о голосовании посредством баллов. Для сравнения с древними временами можно обратиться к «Истории» Роллена [45]. Вот как этот же вопрос был урегулирован при Плинии, который даёт нам весьма точное описание.

Выборы магистратов, с тех пор как они были предоставлены сенату, проводились устно, и поначалу всё происходило с большим достоинством и благопристойностью. Каждого кандидата вызывали по имени. Вызванный вставал и кратко излагал основания своих притязаний; он отчитывался о всей своей жизни; представлял свидетельства полководцев, под чьим началом служил, а если был квестором – то и высших магистратов; называл влиятельных лиц, которые его поддерживали. Эти лица выступали; серьёзным тоном, без напыщенности, без назойливых просьб, они отмечали добрые качества, которые знали за своим кандидатом, и причины, побуждавшие их поддерживать его рекомендацией. Если кандидат имел какие-либо претензии к сопернику относительно его происхождения или поведения, он излагал их скромно, без оскорблений. Сенат спокойно выслушивал всё, что каждый хотел сказать, и затем делал выбор обдуманно.

Ко временам Плиния этот прекрасный порядок изменился. Собрания сената для выборов подражали или даже превосходили своеволие народных собраний. Никто не умел ни дожидаться своей очереди говорить, ни молчать в нужный момент, ни даже оставаться на месте. Со всех сторон раздавались громкие крики: все просители выходили в центр зала со своими кандидатами, и там образовывались группы, поднимался шум, царила всеобщая неразбериха. Поражённые этими неудобствами, сенаторы единогласно потребовали – то ли в конце третьего консульства Траяна, то ли в начале следующего года – проводить выборы посредством баллов. Успех оправдал это нововведение: достойные лица были избраны, и все радовались столь удачно найденному решению.

Но, как и всё человеческое, это имело две стороны. Плиний сразу же опасался злоупотреблений тайным голосованием. «Я не ручаюсь, – писал он другу [46], – что под покровом молчания вскоре не проскользнет бесстыдство; ибо где те, кто соблюдает законы честности в тайне так же, как на глазах у общества? Многие боятся мнения о себе, но мало кто заботится о свидетельстве своей совести». То, что он предвидел, случилось. На первых же выборах после этого обнаружилось несколько бюллетеней, заполненных шутками, насмешками и глупостями. «Такова, – говорит Плиний [47], – дерзость, которую внушает дурным умам мысль: „Кто узнает?“» Сенат выразил крайнее негодование по поводу столь непристойной и неуместной игры, но виновные остались неизвестны, и пришлось лишь сокрушаться, что зло сильнее лекарства.

Еще одним злоупотреблением была погоня за должностями. Кандидаты рассылали подарки, устраивали угощения, даже вручали денежные суммы третьим лицам, чтобы те рас-

пределили их после успеха среди тех, кто хорошо им послужил. На эти действия поступали жалобы в сенат, который поручил консулу обратиться к императору с просьбой пресечь эти беспорядки своей верховной властью. Тот так и сделал, и своим декретом о подкупах обязал кандидатов вести себя скромнее.

Тем же законом он постановил, что никто не может претендовать на должность, если по меньшей мере треть его имущества не вложена в земельные владения или дома, расположенные в Италии. Он справедливо полагал, что люди, стремящиеся занимать магистратские должности в Риме, не должны считать Италию перевалочным пунктом, где у них нет никакой оседлости.

Незадолго до этого были возобновлены старые постановления, запрещавшие адвокатам принимать от клиентов деньги или подарки. Таково было предписание закона Цинция, принятого в конце Второй Пунической войны. Этот закон был восстановлен в начале правления Нервы. Но алчность прорывала все преграды, и возродившееся злоупотребление побудило в описываемое мною время претора Лициния Непота, человека твердого и энергичного, проявить свое рвение. Плиний в трех своих письмах сообщает о действиях этого претора, но так, что для нас остаются некоторые неясности: впрочем, подробности этого дела сегодня не представляют особого интереса. Я ограничусь лишь замечанием, что в реформу, начатую Непотом, вмешались авторитет сената и принцепса: у Плиния [48] мы находим текст сенатусконсульта, который накладывал обязательства не на адвокатов, а (что кажется мне странным) на тяжущихся – необходимость принесения клятвы по этому вопросу. Тот, кто имел какое-либо дело, должен был поклясться перед допуском к суду, что ничего не дал и не обещал адвокату, которому поручал свою защиту.

Плиний, который не только всегда воздерживался от каких-либо соглашений, но и никогда не принимал от клиентов ни вознаграждений, ни даже простых дружеских подарков, был восхищен, когда его личное правило стало общим законом. Его со всех сторон поздравляли: одни в шутку говорили, что он был провидцем, другие – что новый указ положил конец его мздоимству и корыстным действиям. Таким образом, он наслаждался славой, к которой был чрезмерно чувствителен; что, однако, не умаляет достоинств его благородного поведения. Я уже отмечал, что разница во времени и обычаях смягчила среди нас в этом отношении строгость римских постановлений, но не поколебала принципы человеколюбия и великодушия, на которых они были основаны и которые столь подобают столь почтенной профессии.

В 854 году от основания Рима Траян принял пятое консульство вместе с Максимом, который сам был консулом во второй раз. Этот Максим, по-видимому, тот самый, который подавил мятеж Луция Антонина при Домициане, а затем с честью исполнял важное командование в войне Траяна против Децебала. Год пятого консульства Траяна снова был мирным, и принцепс продолжал завоевывать любовь к своему правлению проявлениями доброты и справедливости. Вот один из примеров, показывающих его рвение и проницательность в разоблачении клеветы и защите невинности, атакованной грязными интригами.

Лустрик Бруттиан, будучи наместником провинции, приблизил к себе некоего Монтана Аттициана как друга и поручал ему различные дела. Но ему пришлось в этом раскаяться. Тот, кому он доверял, оказался негодяем, повинным во всевозможных преступлениях, так что Бруттиан счел своим долгом написать об этом императору. Аттицин, взбешенный и испуганный, сам выступил обвинителем Бруттиана и, проявив чудовищное коварство, сумел тайно завладеть канцелярскими записями наместника, вырвал из них множество листов и предъявил на суде изувеченную книгу как доказательство злоупотреблений обвиняемого. Дело разбиралось перед Траяном, и Плиний был одним из судей. Стороны сами кратко изложили свои доводы по пунктам, и Бруттиан, уверенный в своей невинности, не только отразил выдвинутые против него обвинения, но и раскрыл все преступления своего обвинителя, представив доказательства. Траян, стремившийся лишь к установлению истины, сразу ухватил суть

дела. Он распорядился начать с вынесения приговора обвинителю, который был приговорен к изгнанию. Бруттиан же вышел из процесса с триумфом, с блистательным свидетельством своей честности и безупречного поведения.

Траян считал своим долгом лично вершить правосудие, и даже находясь в своих загородных резиденциях, не позволял себе пренебрегать этой важной государственной обязанностью. Плиний, проведенный с ним три дня в Центумцеллах [49], описывает три дела, каждое из которых заняло свой день.

Первый [случай] касался самого знатного гражданина Эфеса, Клавдия Аристана, человека великолепных нравов, который снискал народную любовь без каких-либо преступных амбиций. Роскошь, в которой он жил, вызвала зависть, и один жалкий доносчик попытался его погубить. Аристон был оправдан и отомщен.

На следующий день разбиралось дело о прелюбодеянии. Галитта, жена военного трибуна, собиравшегося добиваться должностей, запятнала свою честь и честь мужа преступной связью с центурионом. Муж пожаловался командующему армией, в которой служил, и тот написал императору. Траян сначала разжаловал центуриона и даже сослал его. Затем предстояло судить жену, но муж, проявив недостойную слабость, не спешил преследовать её. Он даже оставил её у себя после этого скандала, словно удовлетворившись лишь устранением соперника. Его заставили довести начатое дело до конца. Галитта была осуждена, к великому сожалению её обвинителя, и подверглась наказанию по закону Августа против прелюбодеяний. Поскольку это дело само по себе не относилось к тем, которые должны рассматриваться императором, и лишь статус вовлечённых лиц побудил его заняться им, он, вынося приговор, особо отметил это обстоятельство, указав, что речь идёт о военных офицерах, дабы не создавать впечатления, будто он вмешивается в правосудие или присваивает себе все дела.

На третий день обсуждалось давнее дело, в котором был замешан вольноотпущенник императора Евритм. Суть процесса заключалась в подозрении на подложность одного кодекса, и наследники завещателя возбудили иск против Евритма и римского всадника по имени Семпроний Сенецион. Сначала все они выступили истцами, но затем некоторые, словно из уважения к вольноотпущеннику Цезаря, попросили снять обвинения. На это Траян произнёс замечательные слова: «Почему вы отказываетесь? Мой вольноотпущенник – не Поликет, а я – не Нерон». Однако в день суда явились лишь двое наследников, и они потребовали либо обязать всех заинтересованных лиц присоединиться к их иску, либо позволить им самим отказаться от преследования. Адвокат Семпрония и Евритма возражал, заявляя, что его клиенты остаются под позорящим их подозрением. «Меня это не касается, – живо ответил Траян. – Я сам становлюсь подозрительным, будто покровительствую несправедливости». И, обратившись к судьям, добавил: «Решите, как нам поступить, ибо эти люди, кажется, жалуются, что им не дали свободы добиваться своего права». Было решено, что все наследники должны участвовать в процессе либо предъявить уважительные причины для отказа, чтобы суд мог оценить их обоснованность; в противном случае они подлежали наказанию за клевету. Такова была щепетильность Траяна в отношении своей репутации: он не желал допустить даже малейшего пятна в вопросах справедливости для всех граждан.

Так проходили дни в Центумцеллах. Вечером все собирались на ужин, куда принцепс приглашал знатных особ своего двора. Стол был накрыт скромно, без роскоши. Траян развлекал гостей музыкой и комедиями или же непринуждённая беседа приятно затягивала трапезу далеко за полночь. В последний день император раздал сопровождавшим его в этом небольшом путешествии гостинцы, согласно обычаю, принятому среди друзей.

В Центумцеллах он занимался тогда весьма полезным для общества делом: строил порт, названный его именем и известный ныне как порт Чивитавеккья, где папа держит свои галеры. Траян создал этот порт, возведя два мола, уходящих в море, а на их входе построил островоподобный волнолом, смягчавший силу волн и обеспечивавший спокойствие судов в гавани.

Позднее он также на свои средства построил порт в Анконе на Адриатическом море, желая сделать подходы к Италии удобными со всех сторон. В этом городе до сих пор стоит памятник, воздвигнутый в его честь сенатом и римским народом в знак признательности за это благодеяние. Надпись указывает девятнадцатый год правления Траяна, что соответствует 867 году от основания Рима.

Вскоре после пребывания Плиния в Центумцеллах, согласно Тильмону, он отправился в Понт и Вифинию. Траян назначил его управлять этими двумя провинциями в качестве своего легата с титулом пропретора, наделённого консульской властью. Вифиния была сенатской провинцией и потому обычно управлялась пропроконсулами, избираемыми по жребию. Но, как сам Траян пишет Плинию, там распространились злоупотребления, требовавшие исправления. Незадолго до этого вифинцы обвинили двух своих пропроконсулов, Юлия Басса и Руфа Варена, в вымогательстве. Можно предположить, что по этим причинам Траян решил временно взять провинцию под свой прямой контроль, выбрав Плиния как наиболее способного навести там порядок.

Плиний вступил в управление 17 сентября и оставался там около восемнадцати месяцев. До нас дошли письма, которые он писал за это время Траяну, и ответы императора. Из них видно, что Траян допускал, чтобы его называли «Господином» (*Domine*), тогда как Август всегда отвергал этот титул. Но обстоятельства изменились, и обычай возобладал.

В переписке между Плинием и Траяном следует обратить внимание, с одной стороны, на верность магистрата, который испрашивает указаний государя по всем сколько-нибудь сомнительным делам; а с другой – на достоинство, справедливость и здравый смысл, которыми проникнуты ответы Траяна, исполненные бесчисленных свидетельств доброты, которую он расточает Плинию как другу. Но ничто не интересует нас так сильно, как знаменитое Письмо Плиния относительно христиан. Хотя оно встречается повсюду, оно составляет слишком существенную часть такого сочинения, как настоящее, чтобы мне можно было его опустить. Я приведу его целиком вместе с ответом Траяна. Плиний пишет императору в следующих выражениях [50]:

«Я имею обыкновение, государь, обращаться к тебе во всех моих сомнениях. Ибо кто лучше тебя может разрешить мои затруднения или восполнить недостаток моих знаний? Мне никогда не приходилось присутствовать на следствии или суде по делам христиан, и потому я не знаю, что именно в этом случае заслуживает наказания и в каких пределах следует применять строгость кары или тщательность расследования. Поэтому я немало затруднялся в решении многих вопросов: следует ли делать различие между возрастами или же самых юных надлежит наказывать наравне со взрослыми; заслуживает ли прощения раскаяние или же тот, кто был христианином, ничего не выигрывает, перестав им быть; должно ли наказывать одно только имя, даже если за ним не стоит никакого преступления, или же преступления, связанные с этим именем. Вот как я поступал в отношении тех, кого мне доносили как христиан. Я спрашивал их, христиане ли они. Признавшихся я спрашивал во второй и третий раз, угрожая смертью. Если они упорствовали, я приказывал вести их на казнь. Ибо, не вникая в то, преступно ли их признание, я не сомневался, что по крайней мере их упрямство и непреклонное упорство заслуживают наказания. Среди тех, кто дошел в своем безумии до такой крайности, оказалось несколько римских граждан; я отделил их от прочих и отправил в Рим.

Внимание, уделяемое такого рода делам, умножило их число, как это обычно бывает, и представило мне новые случаи для решения. Мне подали анонимный донос с длинным списком имен. Но те, на кого в нем указывалось, отрицали, что они христиане или когда-либо были ими. Действительно, они вслед за мной повторили молитвы, которые мы возносим богам; воскурили фимиам и возлили вино перед твоим изображением, которое я велел принести вместе со статуями богов; наконец, они прокляли Христа, как они его называют. На этом основании

я счел возможным освободить их от обвинения. Ибо говорят, что истинных христиан нельзя принудить ни к чему подобному.

Нашелись и другие, которые сначала признались, что они христиане, а затем отреклись; были и такие, которые признали, что были христианами в прошлом, но теперь, вот уже три года, давно, а некоторые даже двадцать лет, не являются ими. Все они поклонились твоему изображению и статуям богов и согласились проклясть Христа. Впрочем, они утверждали, что вся их вина или заблуждение состояли лишь в том, что они собирались в определенный день до восхода солнца, воспевали Христа как Бога и клятвенно обязывались не совершать никаких преступлений, а только не красть, не грабить, не прелюбодействовать, не нарушать данного слова и не удерживать вверенного им имущества. После этого они расходились, а затем снова собирались для вкушения безобидной пищи. Они добавляли, что прекратили эти собрания после твоего указа, которым, согласно твоему повелению, я запретил тайные сходки.

Чтобы удостовериться в истинности их показаний, я приказал подвергнуть пытке двух рабынь, но не обнаружил ничего, кроме суеверия, исполненного извращенности и безумия. По этим соображениям я приостановил следствие и решил обратиться к тебе за советом, тем более что число обвиняемых очень велико и среди них люди всякого возраста, пола и состояния. Ибо зараза этого суеверия распространилась не только по городам, но и по деревням и селам. Впрочем, зло это еще не безнадежно. Уже теперь видно, как храмы, почти опустевшие, вновь наполняются народом, а давно прекращенные торжественные жертвоприношения возобновляются. Раньше почти не находилось покупателей для жертвенных животных, теперь же их продается множество. Отсюда легко заключить, какое множество людей можно вернуть, если дать им возможность раскаяться».

Это письмо бесконечно ценно для нас как прекрасное свидетельство о чистоте нравов наших первых отцов; свидетельству этому нельзя не доверять, ибо оно исходит от того, кто осуждал их на смерть. Оно подтверждает необычайное умножение числа христиан спустя так мало времени после возникновения христианства. Оно дает нам повод сожалеть о слепоте человека столь просвещенного и разумного, как Плиний, который, не исследуя истинности или ложности учения, карает смертью всякого, кто остается ему верен. Траян, столь мудрый и добрый государь, не проявил большей справедливости, чем его наместник. Вот его ответ.

Вы поступили как должно, мой дорогой Плиний, при рассмотрении дел тех, кого обвиняли перед вами как христиан; ибо невозможно установить общее правило или единую процедуру, применимую ко всем случаям. Не следует предпринимать специальных розысков для их обнаружения. Если их приводят на ваш суд и изобличают, вы должны наказать их; с той оговоркой, однако, что если кто-то отрицает свою принадлежность к христианам и подтверждает это делами – то есть поклонением нашим богам, – то даже если в прошлом он был под подозрением, его раскаяние должно принести ему прощение. Что касается анонимных доносов, их не следует принимать во внимание ни в каком деле. Это слишком дурной пример, не соответствующий нашему времени.

Было вполне достойно Траяна запретить использование анонимных доносов: но в первой части его ответа какая непоследовательность – с одной стороны, запрещать разыскивать христиан, а с другой – приказывать наказывать их как преступников, если кто-то их обвинит!

Таково, впрочем, представление о гонениях, которые претерпевала Церковь при Траяне. Хотя этот император, движимый, возможно, суеверной ревностью к своей религии или, скорее, введенный в заблуждение ложной политикой, заставлявшей его считать любую новизну в вопросах культа опасной для государства, ненавидел христиан и санкционировал их казни, он не издал всеобщего эдикта против них. Народные волнения, произвол и жестокость провинциальных наместников, закон, который Траян установил для себя – казнить за упорство в христианстве, – вот причины, по которым в его правление появилось множество мучеников. Самые известные из этих доблестных воинов Христовых – святой Симеон Иерусалимский

и святой Игнатий Антиохийский; но рассказ об их славной смерти принадлежит церковной истории: я ограничусь своим предметом.

Не похоже, чтобы Плиний прожил долго после возвращения из управления Понтом и Вифинией. История больше не упоминает о нем, а события, описанные в его письмах, не выходят далеко за эти пределы.

Невозможно читать этого автора, не полюбив его; и я бы считал своим долгом нарисовать здесь, на основании фактов, которые предоставляют его письма, картину его души и всех его прекрасных качеств, если бы это уже не было сделано рукой более ученой, чем моя. Роллен [51] с удовольствием изобразил характер, весьма схожий с его, разве что у Роллена религия возвышала и освящала добродетели, которые Плиний умалял любовью к суетной славе, бывшей его конечной целью.

Поскольку г-н Роллен не мог и не должен был сказать всего, он опустил один факт, который мне кажется весьма интересным во всех своих обстоятельствах и очень почетным для Плиния [52]. Я думаю, читателю будет приятно найти его здесь. Помпония Гратилла, которая, видимо, была вдовой Арулена Рустика и которую Домициан сослал одновременно с казнью ее мужа, имела от другого брака сына по имени Ассудий Куриан, чье поведение ее мало удовлетворяло. Она лишила его наследства в завещании, назначив наследниками Плиния вместе с Серторием Севером, бывшим претором, и несколькими римскими всадниками знатного имени и положения. Куриан, решив оспорить завещание, предложил Плинию уступить ему свою долю наследства, пообещав дать встречное письмо, которое аннулировало бы дарение. Цель Куриана состояла в том, чтобы создать предубеждение против действительности завещания, которое он хотел отменить. Плиний ответил ему, что не в его характере совершать публичный поступок, чтобы тайным актом его разрушить. «Кроме того, – добавил он, – вы богаты, у вас нет детей; дарение, которое я вам сделаю, будет выглядеть подозрительно. Наконец, в том виде, как вы просите, оно вам не принесет пользы; тогда как отказ от моего права в вашу пользу был бы вам полезен; и я готов его оформить, если буду убежден, что вас несправедливо лишили наследства». – «Хорошо, – ответил Куриан, – я беру вас самого в судьи». Плиний на мгновение заколебался, но, подумав, сказал: «Согласен; ибо почему я должен думать о себе хуже, чем вы? Но предупреждаю вас, и помните это: у меня хватит мужества, если ваше дело плохо, подтвердить решение вашей матери». – «Пусть будет по-вашему, – ответил Куриан, – ибо вы не пожелаете ничего, кроме справедливого». Плиний взял себе в советники двух самых уважаемых людей города – Корнелия и Фронтиня – и в их присутствии устроил заседание в своих покоях. Куриан изложил свою позицию. Плиний ответил ему, поскольку никто другой не мог защитить честь завещательницы; затем он удалился с советниками в кабинет и, по их мнению, вынес решение в таких словах: «Куриан, у вашей матери были веские основания лишить вас наследства».

Такой приговор, в котором Плиний выступил и судьей, и адвокатом, и стороной, был уважен тем, против кого он был вынесен. Куриан вызвал других наследников по завещанию своей матери в суд центумвиров, но не привлек к делу Плиния. Уже приближался день суда, и сонаследники Плиния опасались исхода из-за неблагоприятных времен. Домициан еще был жив; и поскольку некоторые из них были друзьями Рустика и Гратиллы, они боялись, как бы гражданское дело не превратилось для них, как уже бывало, в уголовное. Они выразили Плинию свои опасения и желание договориться. Плиний взял на себя переговоры. Он предложил Куриану то, что юристы называют «фальцидиевой четвертью» – четверть наследства, гарантированную законом Фальцидия наследникам по крови, – и обязался внести свою долю. Куриан принял предложение; и что особенно показывает, какое уважение и почтение вызывает безупречная честность, – этот самый Куриан, умирая несколько лет спустя, оставил Плинию завещательный дар, который, хотя и был скромным по стоимости, в тех обстоятельствах доставил ему больше удовольствия, чем богатое наследство.

Плиний был тесно связан дружбой с Тацитом; основой этой связи стали общие чувства честности и ненависти к тирании, а также любовь к литературе и занятия красноречием, которые их объединяли [53]. Их охотно упоминали вместе как двух величайших ораторов своего времени, и Плиний с удовольствием рассказывает небольшой случай, подтверждающий это. Однажды на зрелище Тацит оказался рядом с незнакомцем, который после долгого разговора о литературных темах спросил, с кем беседует. «Вы меня знаете, – сказал Тацит, – даже через сочинения». – «Вы Тацит или Плиний?» – живо воскликнул незнакомец. Сама мысль о литературе и красноречии сразу же вызывала имена этих двух знаменитых друзей, бывших их главными представителями.

Между ними не было ни соперничества, ни зависти. Они обменивались своими трудами, чтобы получать советы друг от друга, и делали это с искренностью и прямоотой. Плиний, будучи моложе Тацита, с юных лет стремился подражать ему и следовать за ним, хоть и на большом расстоянии, как он сам выразился. Он достиг желаемого, что стало для него источником радости. «Я счастлив, – пишет он Тациту [54], – что, говоря о красноречии, нас называют вместе; упоминая вас, мое имя следует за вашим. Есть ораторы, которых ставят выше нас обоих, но мне неважно, на каком месте мы связаны, ибо для меня высшая честь – быть вторым после вас. Вы, наверное, замечали, что в завещаниях, если только завещатель не близкий друг одного из нас, нас включают вместе и назначают одинаковые доли. Все это должно укреплять нашу взаимную привязанность, ведь литература, сходство нравов, слава и даже последняя воля усопших связывают нас столькими узами».

Похоже, Тацит пережил Плиния, так как последний, подробно описывая в письмах и восхваляя всех умерших друзей, ни словом не упоминает о смерти Тацита. Можно предположить, что Тацит, судя по масштабу его трудов, дожил до глубокой старости при Траяне. Действительно, он начал писать исторические сочинения именно при этом императоре. Его первая работа – «О происхождении и местоположении германцев» – датируется вторым консульством Траяна, совпавшим с первым годом его правления. Затем Тацит создал «Жизнеописание Агриколы». Успех этих шедевров вдохновил его на «Историю», охватившую 28 лет – от второго консульства Гальбы до смерти Домициана. Он упоминает [55], что планировал описать правления Нервы и Траяна, но, хотя и радовался возможности сохранить такой благодатный материал для старости и хвалил эпоху, где «можно думать, что хочешь, и говорить, что думаешь», его свободный дух, вероятно, не позволил писать историю живого правителя, пусть и достойного. Закончив «Историю», он обратился к более ранним временам и создал «Анналы» – от смерти Августа до Нерона. Он планировал также описать правление Августа, но смерть или болезни помешали этому. Из 30 книг его трудов сохранилось 17, причем четыре – в поврежденном виде.

Тацит, возможно, был сыном Корнелия Тацита, римского всадника и прокуратора Белгики, упомянутого у Плиния Старшего [56]. Карьеру начал при Веспасиане, стал претором при Домициане, консулом – при Нерве. Его исторические труды обессмертили имя. Я стремился включить их в свою работу, и через мое изложение читатели узнают его лучше, чем я смог бы описать.

Другой менее известный, но заметный литератор, Силий Италик, умер в первые годы правления Траяна [57]. Он запятнал репутацию при Нероне, но восстановил ее при Вителлии и как проконсул Азии. В старости, удалившись от дел, он писал поэму о Второй Пунической войне. Плиний отмечал, что в его стихах больше труда, чем таланта. Силий жил в почете, коллекционировал статуи великих, особенно почитая Вергилия. В 75 лет, страдая от неизлечимой болезни, он умер голодом, став последним из консулов, назначенных Нероном.

Вскоре после него умер поэт Марциал [58], автор едких эпиграмм. Лишившись милостей Домициана, он покинул Рим и вернулся в испанский Бильбилис [59], получив перед отъездом подарок от Плиния. Умер около 851 года от основания Рима, прожив в изгнании три года.

Считают, что Ювенал написал большую часть своих сатир в правление Траяна. Они сильно отдают, как заметил г-н Депрео*, криками школы, в которой воспитывался автор. В них, без сомнения, встречаются великие и прекрасные максимы, благородство, энергия; но эта энергия часто доходит до циничной наглости; к тому же в целом в этих произведениях царит декламаторский тон, мало способный нравиться тем, кто сумел оценить изысканную веселость, легкую грацию и милую непринужденность сатир Горация. Я не побоюсь сказать, что Ювенал, как мне кажется, даже ниже Персия**, который, без сравнения, скромнее, содержательнее, и чей темный, но без напыленности стиль выдает писателя, убежденного в том, что он говорит.

К стольким именам, более или менее значимым в литературе, я полагаю нужным добавить одного их современника, который походил на них лишь в безобразии: плохой оратор, бесчестный человек, но знаменитый, влиятельный, пользующийся доверием и обогатившийся благодаря злоупотреблению искусством речи. Речь о Регуле, о котором я уже не раз упоминал и о котором Плиний*** сообщает несколько любопытных и интересных анекдотов.

Регул – пример того, на что способны дерзость и наглость без помощи таланта и почти вопреки природе. У него был слабый и невнятный голос [60], тяжелый язык, мало изобретательности, никакой памяти; и тем не менее он восполнял все свои недостатки неистовой горячностью, которая впечатляла толпу и заставляла тех, кто не разбирался в ораторском искусстве, считать его оратором. Это был пылкий характер, могущественный в интригах. Если ему предстояло вести дело, он требовал и получал право говорить столько, сколько считал нужным; он собирал толпу слушателей своими происками; короче, он умел использовать все средства, которые желание блистать и шуметь заменяют истинным достоинством.

К безумному честолюбию он добавлял страсть к богатству, и все пути были для него хороши, чтобы его стяжать. Мы видели, как он, еще молодой, наживался на крови невинных, которых обвинял. Он получил от Нерона семь миллионов сестерциев [61] за помощь в уничтожении дома Крассов. С не меньшим рвением он стремился попасть в завещания богачей, используя для этого одновременно хитрость и дерзость. Вот несколько примеров такого рода, собранных Плинием в одном письме.

Пизон Лициниан, брат Красса, чью гибель вызвал Регул, и сам сосланный, вероятно, по проискам этого опасного клеветника, – Пизон, позже усыновленный Гальбой и убитый вместе с ним, – оставил вдове по имени Верания, дожившую до правления Траяна. Когда эта дама тяжело заболела, Регул, зная, как он должен быть ей ненавистен, все же пришел навестить ее, сел у ее ложа и, притворяясь глубоко заинтересованным в ее здоровье, разыграл роль астролога. Он спросил, в какой день и час она родилась. Получив ответ, он принял серьезный и сосредоточенный вид, шевелил губами, считал на пальцах – все это, чтобы держать больную в напряжении и заставить ждать чего-то чудесного. «Вы в своем критическом году, – сказал он, – но вы выздоровеете. И чтобы вы в этом убедились, я посоветуюсь с гаруспиком, чьи знания не раз проверял». Он действительно принес жертву и сообщил Верании, что внутренности жертв согласуются с указаниями звезд. Охотно верят тому, чего желают: больная, обнадеженная мыслью о выздоровлении, потребовала завещание и добавила в него дар Регулу. Вскоре болезнь усилилась; она почувствовала, что умирает, и перед смертью горько жаловалась на обман. Но обманщик уже держал добычу и смеялся над этими запоздалыми и бессильными жалобами.

Менее удачной оказалась другая его афера против Веллея Блеза, богатого консулярия. Он долго за ним ухаживал, когда Блез тяжело заболел и выразил желание изменить завещание. Регул не сомневался, что получит в новом завещании значительную долю, и умолял врачей сделать все, чтобы продлить жизнь больного. Когда завещание было составлено и подписано, он переменял тон. «Доколе, – говорил он тем же врачам, – будете мучить бедного умирающего? Зачем отказываете ему в легкой смерти, если не можете дать жизнь?» Блез умер и, словно слыша все речи Регула, не оставил ему ни гроша.

Наглость, как я уже говорил, была в нем не меньше, чем плутовство. Следующий случай это доказывает. Знатная дама по имени Аврелия, желая подписать завещание при семи свидетелях, как требовало римское право, попросила Регула быть одним из них. Для церемонии подписания она надела очень красивую одежду; Регул выразил желание, чтобы она завещала ему эти наряды. Аврелия сначала подумала, что он шутит; но он говорил совершенно серьезно. Он настойчиво просил, заставил ее вскрыть завещание и вписать требуемый дар, наблюдал, как она пишет, а затем проверил, все ли сделано правильно. Такими махинациями он, родившийся без состояния, так сказочно разбогател, что однажды сказал Плинию, будто хотел узнать по внутренностям жертв, когда его владения достигнут шестидесяти миллионов сестерциев [62], и предзнаменования обещали ему вдвое больше.

При таком богатстве у Регула был лишь один сын, которого он потерял почти ребенком. Плиний сомневается, что отец искренне горевал, и подозревает, что расчет в его душе преобладал над естественными чувствами: ведь он эмансипировал сына, чтобы тот мог распоряжаться своим материнским наследством, которое было значительным, а затем раболепно льстил ему, надеясь, что ребенок назначит его наследником. Таким образом, смерть сына была ему выгодна; но чем меньше было настоящей скорби, тем больше он выказывал ее напоказ – с таким шумом, что выдавал притворство. У мальчика были верховые и упряжные лошадки, собаки, соловьи, попугаи, дрозды; Регул приказал зарезать всех этих животных вокруг погребального костра. Он умножил всеми способами статуи и изображения того, кого хотел оплакивать: в бронзе, воске, на холсте, в серебре, слоновой кости, мраморе. Сам он написал книгу о жизни сына, умершего ребенком, и публично зачитал ее перед толпой. Более того, он разослал тысячу копий по всей Италии и провинциям и писал в сенаты городов, прося назначить члена с самым сильным и красивым голосом, чтобы прочесть книгу собравшемуся народу.

Я завершу этот, возможно, слишком длинный фрагмент о Регуле метким замечанием Плиния. «Какая живость! – говорит он [63]; какой огонь! Сколько добра мог бы совершить Регул, если бы направил эту силу на достойные цели!» – «Я ошибаюсь, – тут же добавляет Плиний, – добрые менее деятельны, чем злые; и подобно тому, как невежество рождает смелость, а знание, напротив, часто приводит к робости, так и добродетельные натуры ослабляются в своих действиях скромностью, которая их сдерживает, тогда как дерзость укрепляет порочных».

В другом месте я уже отмечал, как низким и угодливым стал Регул после смерти Домициана. Он прожил ещё несколько лет. Из письма Плиния можно заключить, что он умер до 853 года от основания Рима.

После упоминания мужей, прославившихся в литературе, не забудем и о знаменитом отроке – Валерии Пуденте, который в возрасте тринадцати лет одержал победу в поэтическом состязании на Капитолийских играх в 857 году.

Давно уже мы потеряли из виду Траяна. Необходимо вернуться к этому императору и рассказать то, что нам известно о второй войне, которую он предпринял против даков.

[1] Я отступаю от текста Диона или его сокращенного изложения, согласно которому Траян обещал не лишать ни жизни, ни чести ни одного добродетельного человека: обещание расплывчатое, которое мог дать как самый решительный тиран, так и лучший правитель. Я передал то, что мой автор должен был сказать, а не то, что он говорит.

[2] Плиний Младший, «Панегирик», 20.

[3] Плиний Младший, «Панегирик», 22.

[4] Плиний Младший, «Панегирик», 22.

[5] В 1747 году в Пьяченце был найден оригинальный документ, выгравированный на бронзовой таблице, который подтверждает эту щедрость Траяна и выделенные им средства

на пропитание детей обоего пола. Этот документ был включен Антуаном Террассоном в его «Историю римского права».

[6] Плиний Младший, «Панегирик», 94—95.

[7] Плиний Младший, «Панегирик», 41.

[8] Не знаю, основано ли на опыте утверждение Траяна о селезёнке. Достаточно того, что таково было тогда общее мнение.

[9] Плиний Младший, «Панегирик», 44.

[10] Плиний Младший, «Панегирик», 45.

[11] АВРЕЛИЙ ВИКТОР, «О цезарях», 13.

[12] Плиний Младший, «Панегирик», 44.

[13] ЕВТРОПИЙ, VIII, 5.

[14] Плиний Младший, «Панегирик», 85.

[15] Плиний Младший, «Панегирик», 82.

[16] Плиний Младший, «Панегирик», 81.

[17] Плиний Младший, «Панегирик», 82.

[18] Плиний Младший, «Панегирик», 83—84.

[19] Плиний Младший, «Панегирик», 45.

[20] Плиний Младший, «Панегирик», 44.

[21] Плиний Младший, «Панегирик», 45.

[22] Плиний Младший, «Панегирик», 47.

[23] Плиний Младший, «Панегирик», 50.

[24] Плиний Младший, «Панегирик», 51.

[25] «ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ, НАСКОЛЬКО ВЫСОКА БЫЛА ГОРА И МЕСТО, РАСЧИЩЕННОЕ ТАКИМИ УСИЛИЯМИ».

[26] Плиний Младший, «Панегирик», 55.

[27] АММИАН МАРЦЕЛЛИН, XXVII.

[28] Плиний Младший, «Панегирик», 2.

[29] Плиний Младший, «Панегирик», 62.

[30] Плиний Младший, «Панегирик», 67 и 68.

[31] Плиний Младший, «Панегирик», 69.

[32] Плиний Младший, «Панегирик», 71.

[33] Плиний Младший, «Панегирик», 72.

[34] Плиний Младший, «Панегирик», 72.

[35] Плиний Младший, «Панегирик», 74.

[36] ЮВЕНАЛ, «Сатиры», I.

[37] Плиний Младший, «Письма», III, 9.

[38] Плиний Младший, «Письма», III, 14.

[39] Штюмайзе утверждает, что этого римского всадника звали Аттиан, а не Татиан.

Но это различие несущественно.

[40] ФИЛОСТРАТ, «Жизни софистов», I, 7.

[41] Плиний Младший, «Письма», IV, 8.

[42] ТАЦИТ, «Агрикола», 17.

[43] Плиний Младший, «Письма», V, 1; IV, 8; X, 8.

[44] Плиний Младший, «Письма», IV, 8.

[45] «Римская история», т. VII, кн. 27, стр. 247.

[46] Плиний Младший, «Письма», III, 20.

[47] Плиний Младший, «Письма», IV, 25.

[48] Плиний Младший, «Письма», V, 4, 14 и 21.

[49] Чивитавеккья.

[50] Плиний Младший, «Письма», X, 97.

[51] См. «Древнюю историю», т. XI, стр. 294 и далее.

[52] Плиний Младший, «Письма», V, 1.

[53] Плиний Младший, «Письма», IX, 23.

[54] Плиний Младший, «Письма», VII, 20.

[55] ТАЦИТ, «История», I, 1.

[56] ПЛИНИЙ, «Естественная история», VII, 16. Ср. ТАЦИТ, «История», I, 1; Плиний Младший, «Письма», II, 11.

[57] Плиний Младший, «Письма», III, 7.

[58] Плиний Младший, «Письма», III, 20.

[59] Кажется, Бильбилис находился недалеко от нынешней Калатаюда в Арагоне.

[60] Плиний Младший, «Письма», IV, 7.

[61] Восемьсот семьдесят пять тысяч ливров.

[62] Семь миллионов пятьсот тысяч ливров.

[63] Плиний Младший, «Письма», IV, 7.

§ II. Вторая война Траяна против даков

Согласно хронологии г-на де Тилемона, начало второй войны Траяна против даков мы относим к 855 году от основания Рима. Причиной возобновления войны Дион [1] называет Децебала, который открыто нарушал все условия предыдущего мирного договора. Он принимал римских дезертиров, изготавливал оружие, восстанавливал крепости, призывал соседние народы к союзу с собой. Из некоторых писем Плиния к Траяну [1] можно даже заключить, что Децебал поддерживал тайные связи с парфянами. Он нападал и тревожил народы, выступившие против него в прошлой войне, и силой захватил область, принадлежавшую язигам.

С другой стороны, известно, что Траян жаждал завоеваний. Он считал, что не достиг ничего, лишь принудив Децебала к покорности: его целью было полностью лишить противника власти. Его обычной клятвой в важных делах были слова: «Да смогу я обратить Дакию в римскую провинцию!» По этим причинам легко поверить, что он радостно ухватился за повод, который дал ему Децебал, чтобы сенат объявил того врагом Рима.

Это решение, а также приготовления Траяна к личному руководству войной, как и в первый раз, произвели сильный эффект. Даки, устранившись, массово покидали своего царя, переходя на сторону римлян. Децебал, встревоженный бегством подданных, запросил мира. Однако ему предложили лишь сдать оружие и лично предстать перед императором. Его гордость не позволила принять столь унижительные условия, и он выбрал войну. Собрав войска, укрепив союзы, он стал готовиться к встрече Траяна.

Если бы он ограничился этим, его мужество заслуживало бы похвалы. Однако, отчаявшись победить врага, он прибег к подлым методам. Децебал подослал убийц к Траяну, который, всегда доступный для подданных, особенно легко приближался к людям во время войны. Один из злодеев был заподозрен, арестован и под пытками выдал сообщников. Так гнусный замысел Децебала провалился.

Не сумев убить Траяна, он попытался захватить кого-то из близких императору. Ему удалось схватить Лонгина, храброго легата, командовавшего легионом. Притворно согласившись на переговоры, будто бы решив сдаться, Децебал вероломно захватил его, заковал в цепи и доставил в свой лагерь. Там он пытался выведать у пленника планы Траяна, но Лонгин отказался предать императора. Тем не менее, Децебал обращался с ним мягко, надеясь обменять его на выгодные условия.

Он отправил к Траяну посла, требуя вернуть земли до Дуная и возместить военные издержки в обмен на свободу Лонгина. Хотя Траян дорожил легатом, он не стал платить такую

цену. Его уклончивый ответ оставил Децебала в неопределенности. Однако Лонгин сам решил исход. Достав яд через вольноотпущенника, он написал письмо Траяну, полное мольб, чтобы обмануть Децебала, отправил вольноотпущенника с посланием и принял яд ночью. Разъяренный Децебал потребовал выдачи вольноотпущенника, предлагая взамен тело Лонгина и десять пленных. Траян предпочел сохранить жизнь живому, оставив и вольноотпущенника, и центуриона, опасаясь мести царя.

План Траяна, как упомянуто, заключался в превращении Дакии в провинцию. Для этого он решил построить постоянный мост через Дунай. Этот мост, знаменитый в истории, описан Дионом [2]: двадцать каменных опор высотой 150 футов и толщиной 60, увенчанные 21 аркой. Длина моста составляла 4760 римских футов (около 721 туаза [3]). Каждый берег защищался укреплением.

Однако колонна Траяна [4] и наблюдения графа Марсильи [5] вносят коррективы: мост имел лишь две каменные арки, остальное – деревянная конструкция. Марсильи отмечал, что в выбранном месте (близ древнего Виминациума [2], ныне Цвернин в Венгрии) Дунай летом мелок, а материалы для строительства были в изобилии. Мост Святого Духа на Роне, по его мнению, куда внушительнее.

Траян, вторгшись в Дакию, действовал осмотрительно и настойчиво. Постепенно подчинив страну, он взял столицу Децебала. Царь, лишенный убежища и страшаясь плена, покончил с собой. Его голова была отослана в Рим.

Вот всё, что сократитель Диона счел нужным сообщить нам об этой войне, которая была весьма важной. Вместо того чтобы представить перед нашими глазами план кампании, задуманный и выполненный Траяном, ход и связь его замыслов, как один успех прокладывал путь другому, он описывает нам поступок одного солдата, который, будучи ранен в бою, сначала удалился в лагерь, а когда узнал, что рана его смертельна, вернулся на поле битвы, чтобы употребить для службы князю и отечеству остаток своей жизни. Этот поступок, без сомнения, прекрасен; но изложение всей системы войны было бы куда более любопытным и поучительным. Приходится довольствоваться тем, что нам дано.

Децебал придумал оригинальный способ сохранить свои сокровища. Отведя реку Саргетию [6], которая орошала его столицу, он вырыл яму посреди русла этой реки и построил там каменный vault, куда поместил свое золото, серебро, драгоценные камни и всё, что не боится сырости. Затем, замурав вход в vault камнем, он засыпал всё землёй и вернул реке её обычное течение. Что касается ценной мебели, богатых тканей и тому подобного, он спрятал всё, чем владел в этом роде, в отдалённых и уединённых пещерах. Наконец, варварской предосторожностью, чтобы сохранить тайну, он приказал убить всех, кто помогал ему в этих операциях. После его смерти один дакийский вельможа по имени Бицилис, которому он доверился, был взят в плен римлянами и рассказал им всё, что я только что изложил. Траян воспользовался этим советом и возместил военные расходы за счёт сокровищ Децебала [7]. Так Дакия, согласно желанию, которое он так часто выражал, стала римской провинцией. Он позаботился украсить и укрепить своё завоевание, которое было обширным, поскольку, по словам Евтропия, занимало тысячу тысяч шагов или триста тридцать лье в окружности. Но эта великая страна была опустошена войнами; и Траян, чтобы заселить её, привёл жителей со всех концов римского мира. Среди колоний, которые он там основал, главной была Зармизегетуза, бывшая столица царства Децебала, которой Траян дал своё имя, назвав её Ульпия Траяна. Во Фракии и Мезии, провинциях, соседствующих с Дакией, также есть города, построенные или расширенные этим императором, которые можно рассматривать как памятники его внимания ко всему, что касалось его завоевания. История упоминает, среди прочего, Никополь, или город победы, Марцианополь, Платинополь, названные так в честь Марцианы и Плотины, сестры и жены Траяна.

По возвращении в Рим он во второй раз отпраздновал триумф над даками и отметил его играми, которые давал народу в течение ста двадцати трёх дней. Похоже, что эти игры

состояли главным образом из боёв с дикими зверями и между гладиаторами. Дион насчитывает одиннадцать тысяч диких зверей, убитых там, и десять тысяч гладиаторов, сражавшихся.

Победы Траяна над даками произвели такой резонанс, что к нему прибыли посольства от самых отдалённых и варварских народов, в частности от индийцев, которые поздравили его. До сих пор сохранился знаменитый памятник этих побед: колонна Траяна, которая, согласно объяснениям Чаккони и Фабретти, представляет в своих барельефах главные подвиги Траяна в его двух войнах против даков. Победитель сам написал её историю, если верить цитате Присциана [8]. Но он так мало упражнялся в изучении литературы, что нам трудно поверить, будто он хотел стать автором. Скорее можно предположить, что кто-то одолжил ему своё перо и написал ему труд, материал для которого император мог предоставить, но не его композицию.

Пока он расширял границы империи за Дунаем, Пальма, один из его легатов, командовавший легионами в Сирии, покорил Аравию Петрейскую, превратив её в римскую провинцию. Это было как бы предвестием и залогом побед, которые Траян вскоре одержал сам на Востоке.

Его пребывание в Риме между окончанием войны с даками и началом войны против парфян было недолгим, однако он ознаменовал его заботами и трудами, достойными великого князя. Именно в этот период Дион помещает строительство великолепной дороги, которая пересекала Понтийские болота от начала до конца; труд огромный, но бесплодный. Несмотря на упорные попытки римлян осушить эти болота или сделать их проходимыми, природа, сильнее всякого искусства и усилий людей, всегда возвращала всё в первоначальное состояние, в котором они пребывают и поныне.

Траян также перечеканил всю монету, которая износилась и потеряла вес от времени.

В то же время началось строительство великолепной площади, носящей его имя.

Заговор, составленный против него, послужил лишь к прославлению его милосердия. Красс, который был его главой и которого, несомненно, следует отличать от Кальпурния Красса, автора заговора против Нервы, был передан князем на суд сената и приговорён просто к изгнанию. Он провёл там спокойные дни в течение всего правления того, кому хотел отнять трон и жизнь. Он был ещё жив, когда Адриан пришёл к власти.

Заботы о мире не удовлетворяли активности Траяна. Он любил войну до страсти и, не имея более случая вести её на Западе, искал повода на Востоке, у парфян. Армения дала ему желаемый предлог.

Мы не можем сказать, что происходило в этой стране с тех пор, как Тиридат получил корону из рук Нерона. Во время, о котором я говорю, Экседар владел армянским царством и получил инвестицию от Хосрова, тогдашнего царя парфян. Траян утверждал, что этим нарушаются права римской империи, и решил потребовать отчёта, или, вернее, воспользоваться случаем для расширения своих владений: ибо он не собирался, как его предшественники, давать корону Армении князю, который держал бы её от него, а хотел завоевать её и присоединить к своим владениям. Для выполнения этого замысла нужно было воевать с парфянами, и эта мысль льстила ему, суля победы над народом, который до сих пор сохранял своего рода равенство с римлянами. Он тем менее сомневался в успехе, что парфяне были тогда ослаблены внутренними раздорами, которые не могли не дать больших преимуществ тому, кто нападёт на них в таком положении.

Мы не знаем ни происхождения, ни обстоятельств этих разделений. У нас даже нет достоверного списка парфянских царей от Вологеза до Хосрова. При Тите упоминается некий Артабан, правивший этим народом. В начале правления Траяна им управлял Пакор. Хосров и Партамасир, о которых нам вскоре предстоит говорить, были сыновьями Пакора [9]. Вот все, что наши источники сообщают нам о состоянии дел на Востоке, когда Траян покинул Рим, чтобы начать там войну. Г-н де Тиллемон датирует этот отъезд октябрём года, который мы считаем 857-м от основания Рима.

Кажется, Траян, прежде чем применить силу, попытался решить дело переговорами. Какой бы страстной ни была его любовь к оружию, он ценил добрые поступки и не желал казаться ни жестоким, ни несправедливым. Поэтому он выразил Хосрову недовольство тем, что тот посягнул на права римского народа в вопросе о короне Армении. Но он получил гордый ответ, который развязал ему руки и дал полную свободу действовать по своему усмотрению. Вследствие этого он начал готовиться к столь важной войне и лично отправился в путь.

Едва он прибыл в Афины, как к нему явилось посольство от Хосрова, которого приближение опасности заставило переменить свои намерения. Парфянский царь прислал ему дары, просил его дружбы и сообщал, что, не найдя Экседара подходящим ни для римлян, ни для парфян, он лишил его власти. Наконец, он умолял Траяна даровать Партамасиру, его брату, инвеституру на армянское царство, как Нерон некогда даровал ее Тиридату.

Быть может, Траяну было бы трудно отвергнуть эти предложения, если бы они были сделаны ему сразу; но теперь они запоздали. Он уже предпринял шаги и считал себя вправе не отступать. Поэтому он ответил послам Хосрова, что дружба доказывается делами, а не словами; что он скоро будет в Сирии и там, рассмотрев все вблизи, примет наиболее подходящее решение.

Решение, которое ему подходило, было – война, и успех превзошел его ожидания. Все склонилось перед ним. Города открывали ему ворота; мелкие цари и сатрапы этих земель выходили ему навстречу с дарами, заявляя, что подчиняются его приказам и признают его арбитром своей судьбы. Вскоре вся Армения была завоевана, и Партамасир, который сначала пытался обороняться, вернулся к системе покорности, уже ранее предложенной римскому императору, в надежде на последний шанс.

Он написал ему письмо, употребляя титул царя, но не получил ответа. Тогда он понял, от какого титула следует отказаться, и опустил его во втором письме, в котором просил Траяна о встрече с М. Юнием, наместником Каппадокии. Траян отправил к нему сына Юния, а сам продолжал продвигаться вперед, расширяя свои завоевания. Сокращенный вариант Диона не сообщает нам, что произошло между Партамасиром и римским посланцем. Мы знаем только, что парфянский царевич принял решение, которое поставило его в опасное положение и обернулось для него крайне неудачно.

Он явился в римский лагерь близ Элегии, города в Армении, без охранной грамоты, без иных гарантий, кроме собственного представления о великодушии Траяна, которое он простирает так же далеко, как и свои надежды. Он застал императора сидящим на трибунале, поклонился ему, снял с головы диадему, положил ее к ногам императора и стоял в молчании, ожидая, что диадема будет ему возвращена. Римское войско, сбегавшееся на это зрелище, подняло радостные крики и провозгласило Траяна императором, считая, что обращение Арсакида, сына и брата парфянских царей, в положение пленника – победа тем более почетная, что она не стоила ни капли крови. Партамасир испугался этих криков; он воспринял их как оскорбление и угрозу и обернулся, ища способа бежать. Но, видя себя окруженным со всех сторон, он попросил у Траяна частной аудиенции. Она была ему дана. Траян вошел с ним в свою палатку, выслушал его, но ничего не обещал. Партамасир, отчаявшийся и униженный, вышел из палатки и даже из лагеря.

Казалось бы, Траян, не намеревавшийся ни удерживать его, ни что-либо ему предоставлять, мог позволить ему удалиться свободно. Но он этого не сделал. Он хотел, чтобы все войско стало свидетелем его ответа парфянскому царевичу. Поэтому он приказал догнать его и вернуть; затем он снова взошел на трибунал и предложил ему объясниться перед всем собранием.

Партамасир был возмущен обращением, которому подвергался; он не знал, чем это кончится. Поэтому, преисполнившись негодования, он не стеснялся в жалобах и упреках и протестовал против насилия, чинимого над ним. «Я не был ни побежден вами, ни взят в плен, – сказал он. – Я пришел сюда добровольно, надеясь, что со мной будут обращаться соответственно

моему положению, и что вы даруете мне корону Армении, как Нерон дал ее Тиридату». Траян ответил ему, что он не уступит Армению никому; что она принадлежит римлянам и будет управляться римским магистратом; что, впрочем, Партамасир напрасно тревожится о своей свободе, и что ему позволено уйти, куда он сочтет нужным. Парфянский царевич удалился вместе со своими соплеменниками, сопровождавшими его. Что касается армян, Траян оставил их как подданных империи.

Партамасир хотел, по крайней мере, погибнуть как царь, раз уж не мог сохранить свое царство. Он попытался прибегнуть к последним средствам: сражался, хотя и с крайне неравными силами, и, погибнув, оставил римлян мирными обладателями Армении.

Если бы Траян стремился лишь отомстить за обиду, нанесенную римской империи парфянами, он мог бы теперь быть доволен; но его обуревала страсть к войне и завоеваниям. Покоренная Армения стала для него лишь ступенью к более масштабному предприятию, которое до сих пор так хорошо ему удавалось. Он решил атаковать собственные владения парфян и, оставив гарнизоны во всех важных пунктах только что завоеванной страны, вступил в Месопотамию и приблизился к Эдессе.

Царь Эдессы, Абгар, до этого момента, подобно своим предшественникам с тем же именем, вел себя нерешительно, колеблясь между римлянами и парфянами. Склоняясь к последним, но будучи слишком слабым, чтобы противостоять первым, он отправил Траяну дары, однако не явился лично. Когда же он увидел римскую армию в своей стране, ему пришлось сделать выбор, и он счел себя счастливым, получив прощение за прежние колебания. У него была мощная рекомендация, но весьма постыдная для Траяна – молодость и красота его сына Арбанда. Получив благодаря этому недостойному способу благосклонный прием и обещание, что с ним будут обращаться как с другом, он вышел навстречу императору, принял его в своем дворце и устроил пир, во время которого Арбанд исполнил танец в восточном варварском стиле.

Траян завоевал Месопотамию. В частности, среди покоренных его оружием городов упоминаются Батна, Сингара и Нисибис. Это все, что нам достоверно известно о подвигах римлян в этом краю. Кажется, провидение намеренно скрыло деяния Траяна, соразмерно его неумному желанию прославиться. Ни один римский император не был столь великим полководцем; никто не расширил империю столь значительными завоеваниями. Его историю писали множество авторов, но почти все их труды утрачены, за исключением бессвязных фрагментов Диона и кратких изложений Евтропия и Аврелия Виктора. Последний сообщает, что Хосров был вынужден дать Траяну заложников, что, по-видимому, предполагает договор, завершивший или по крайней мере приостановивший войну. Победитель получил от сената титул Парфянский.

К этому же времени можно отнести окончательное превращение Аравии Петрейской в римскую провинцию. Она была завоевана Корнелием Пальмой, как я уже упоминал. Однако повторные восстания вынудили Траяна лично возглавить военные действия. В конце концов он сломил непокорность этих беспокойных народов и заставил их принять римского наместника и подчиняться ему.

Во всех описанных мною войнах Траян строго поддерживал дисциплину – не только своей бдительностью, но и личным примером. Он шел пешком во главе войска, переходил реки вброд, как простой солдат, обходил ряды, чтобы повсюду поддерживать порядок и возвращать тех, кто пытался отстать. Дион добавляет одну практику, которая, если осмелиться высказать суждение, кажется мне во многих случаях опасной. Траян иногда намеренно распространял ложные тревоги, чтобы держать войска в напряжении и не давать им погрузиться в беспечность.

Главным, или, точнее, единственным из полководцев Траяна, упомянутым в этой блистательной экспедиции, был Лузий Квиет, уже отличившийся в войне против даков. По проис-

хождению мавр, он начал службу простым всадником, но благодаря своим заслугам поднялся до командующего всеми вспомогательными войсками своей нации, служившими в римских армиях. Уличенный в некоторых злоупотреблениях, он был позорно уволен. Однако когда Траян начал войну против даков, Лузий предложил ему свои услуги и был принят. Он отличился в нескольких сражениях, полностью искупив прежние проступки, и заслужил полное доверие императора. Он сопровождал Траяна на Восток и взял город Сингару. Траян продолжал использовать его до конца своей жизни и правления: сделал претором, затем консулом, и есть мнение, что он даже рассматривал его как возможного преемника.

Можно предположить, что именно мир или перемирие с парфянами позволили Траяну обратить свои амбиции на варварские народы, жившие к северу от Армении, между Понтом Эвксинским (Черным морем) и Каспийским морем. Он посадил царя у албанцев, заставил царей Иберии, Колхиды и других соседних земель подчиниться его власти. Лузий под его командованием победил мардов. В итоге, кажется, все восточное побережье Понта до Себастополиса (или Диоскуриады) признало его власть; по крайней мере, Арриан свидетельствует, что при Адриане, преемнике Траяна, не совершавшем новых завоеваний, весь этот край подчинился либо римлянам, либо зависимым от Рима царям.

Мы не можем точно определить, сколько лет эти масштабные операции удерживали Траяна на Востоке. Весьма вероятно, что, завершив их, он вернулся в Рим. Трудно поверить, что он провел почти двенадцать лет (с момента отъезда в 857 году до смерти в 868) без посещения столицы. Однако ни один автор не упоминает о его возвращении, и непонятно, почему, вернувшись, он не отпраздновал триумф над парфянами после столь славных побед. Но, несмотря на эти затруднения, сомнения в факте возвращения развеиваются некоторыми монетами, и мы считаем возможным поместить пребывание Траяна в Риме между его первыми подвигами против парфян и теми, которые нам еще предстоит рассказать. Мы не знаем, чем он занимался в этот период, равно как и что вновь привело его на Восток, но можем с уверенностью утверждать вслед за г-ном де Тиллемоном, что он отбыл из Рима около 865 года. Он прибыл в Антиохию достаточно рано, чтобы оказаться там во время сильнейшего землетрясения в январе 866 года и едва избежать гибели.

Азия, Греция, Галатия уже были поражены в разные годы правления Траяна подобным бедствием [имеются в виду землетрясения]. Но катастрофа, о которой я говорю, оказалась куда более губительной, ибо пребывание императора в Антиохии собрало там войска, послов с их свитами, множество частных лиц, имевших дела при дворе, купцов и любопытных, так что несчастье одного города стало бедствием всей Римской империи. Подземные толчки, сопровождавшиеся громом в воздухе, свирепыми ветрами и подземным огнем, были столь сильны, что все здания казались готовыми сорваться с фундаментов, а большинство и вовсе рухнуло. Траян с трудом спасся через окно комнаты, где его застал этот ужасный катаклизм, отделавшись легкими ушибами. Дион [Кассий], всегда любивший чудесное, утверждает, что некто, превосходивший человека ростом и силой, вывел этого «любимца небес» из опасности. Достоверно то, что он спасся, а остаток времени, пока длились толчки, провел на ипподроме, вдали от зданий. Бедствие ощущалось на обширной территории, но эпицентром была Антиохия, пострадавшая ужаснее всего. Историк, не указывая точное число погибших, дает понять, что оно было огромным. Он упоминает по имени лишь консула Педония. Когда стихия утихла, стали разбирать завалы в поисках выживших. Нашли лишь двух живых детей: одного – с матерью, которая кормила его и себя собственным молоком; другого – сосущего грудь уже мертвой матери.

Перед началом кампании друзья уговаривали Траяна обратиться к оракулу Гелиополиса в Финикии, славившемуся в тех краях, дабы узнать исход войны. Траян не был суеверен и решил испытать бога, прежде чем довериться. Он отправил запечатанный пустой свиток, требуя ответа на «содержащийся» в нем вопрос. Жрецы, обслуживавшие оракул, умели

ловко вскрывать и запечатывать свитки. Потому ответом на «вопрос», вернее, на насмешку императора, стал аналогичный пустой свиток. Траян, не заподозрив обмана, уверовал в божественность оракула и отправил новый, уже серьезный запрос: суждено ли ему вернуться в Рим победителем парфян? Мнимый бог, не зная ответа, отделался загадочным символом – виноградной лозой, разломанной на части. После смерти Траяна толкователи объявили, что лоза предвещала кремацию императора и возвращение его праха в Рим.

Траян, окрыленный прежними успехами, начал кампанию весной, двинувшись в Адиабену (часть Ассирии). Для перехода через Тигр требовалось построить мост [10]. Но местность, лишенная строевого леса, затрудняла задачу. Траян нашел решение: в лесах близ Нисибиса построили множество разборных лодок. Их части доставили к Тигру напротив Кордуены, где собрали заново. Сооружению моста мешали варвары, атаковавшие рабочих. Однако первые готовые лодки, заполненные легионерами и лучниками, отбили атаки. Остальные суда спускали выше и ниже по течению, продолжая сборку. Варвары, пораженные «выраставшим» из земли флотом в безлесной местности, бежали. Траян беспрепятственно достроил мост и переправился.

В древнем источнике [11] описан метод римлян по строительству понтонных мостов: широкие лодки закрепляли выше по течению. По сигналу одну спускали вниз, и, достигнув нужной точки, бросали корзину с камнями вместо якоря. Лодку привязывали к берегу канатами, а промежутки заполняли досками. Затем настилали прочный настил. Процесс повторяли, соединяя лодки, пока мост не достигал противоположного берега. Последняя лодка, обращенная к врагу, имела ворота, башни и катапульты.

Перейдя Тигр по такому мосту, Траян подчинил Адиабену и Ассирию. Его радовало, что он шел по стопам Александра, захватывая Арбелу и Гавгамелы – города, прославленные в истории македонского завоевателя. Покорив Ассирию, Траян вернулся, вновь перешел Тигр и двинулся к Вавилону, не встретив сопротивления. Парфянское царство, раздираемое междоусобицами, не могло противостоять ему. Траян скорее путешествовал, чем воевал, посетив даже источник битума, использовавшегося при строительстве вавилонских стен. Дион описывает его как колодец, испускавший смертоносные испарения, которые, расширившись, сделали бы страну необитаемой.

Траян, видя слабость парфян, решил двинуться к их столице – городу Ктесифону. Согласно этому плану, ему предстояло вновь перейти Тигр. Чтобы удобнее перевозить материалы для строительства моста, он решил воспользоваться Наармалхой – древним каналом, прорытым еще царями Вавилона для отвода части вод Евфрата, – и соединить его новым каналом с тем местом на Тигре, где он намеревался возвести мост. Однако ему указали, что уровень Евфрата в месте начала работ значительно превышает уровень Тигра, и он опасался, что русло первой реки настолько обмелеет, что судоходство по ней станет невозможным. Поэтому он прекратил уже начатые работы и приказал перевозить лес для моста по суше на повозках.

Показаться перед Ктесифоном и захватить его для Траяна было одним и тем же. Он также овладел Сусами, некогда центром Персидской империи, и, вероятно, в одном из этих двух городов взял в плен дочь Хосрова и завладел золотым тронном, на котором парфянские цари принимали поклонение своих подданных. Это завоевание утвердило за ним титул Парфянского, а сенат удостоил его не одного, а нескольких триумфов – или, если верить выражению Диона, «скольких он сам пожелает». Если это правда, то подобная лесть была низкой и жалкой, а если она соответствовала вкусу Траяна, то свидетельствовала о его неумеренной любви к славе и тщеславию, недостойном столь великого принца.

Надо признать, что замыслы, которые он задумал и осуществил после взятия Ктесифона, лишь усиливают это подозрение. Кажется, что успехи вскружили ему голову и вызвали своего рода опьянение даже в этом сильном и твердом уме. Он стяжал достаточно славы, чтобы удовлетворить честолюбие – если бы честолюбие умело довольствоваться. Парфяне, до него

часто побеждавшие и чью державу римляне так и не смогли поколебать завоеваниями, были его оружием приведены к невероятному ослаблению. Он отнял у них три великие провинции: Армению, Месопотамию и Ассирию. Благоразумие, несомненно, требовало, чтобы он занялся важной задачей – упрочить завоевания, которые легче сделать, чем удержать, и приучить к римскому владычеству народы, никогда его не знавшие и по своим странно отличавшимся от новых господ нравам готовые к мятежу при первом удобном случае. Вместо этого разумного и осмотрительного плана Траян поддался искушению куда более тщеславной, чем блистательной, идее – дойти до Великого моря.

Он спустился по Тигру и без труда подчинил остров Месену, образованный двумя рукавами реки при впадении в море. Однако сразу же буря, стремительное течение и морской прилив поставили его в крайнюю опасность. Но этого урока оказалось недостаточно, чтобы остановить его: он пересек весь Персидский залив, миновал остров Ормуз и достиг Великого Океана. Там, увидев корабль, отправлявшийся в Индию, он сказал: «Будь я моложе, я непременно перенес бы войну к индийцам». Вместо этого он ограничился Счастливой Аравией, чьи берега были опустошены его флотом, захватившим город, известный в древности под именем Арабия (ныне знаменитый Аден, расположенный к востоку от Баб-эль-Мандебского пролива [12]). Вероятно, именно эту экспедицию имел в виду Евтропий, говоря о флоте, посланном Траяном разорять берега Индии. Этот малоосведомленный сократитель, видимо, спутал индийцев и арабов.

Траян не обманывался. Он завидовал удаче и славе Александра, дошедшего до Индии, но, утешаясь своими подвигами в Счастливой Аравии – куда Александр так и не проник, – гордился, что превзошел пределы столь прославленного завоевателя. В таком тоне он писал сенату, перечисляя в своих письмах множество покоренных им варварских и дотоле неизвестных народов. Сенаторы, оглушенные этими странными и незнакомыми именами, которые они едва могли выговорить, не знали, что делать, кроме как бесконечно умножать приветствия, почетные титулы, триумфальные арки и готовить великолепную встречу победителю по возвращении в Рим. Но провидение распорядилось иначе.

Удовлетворив тщеславие путешествием к Океану, Траян вернулся к устью Тигра и поднялся вверх по реке. Затем он перешел на Евфрат, чтобы посетить знаменитый город Вавилон – некогда царицу Востока. Он нашел его в состоянии запустения, предсказанном пророками еще в дни его величайшей славы. Перед ним были лишь руины и печальные следы былого величия. Его благоговение перед Александром побудило его почтить память героя жертвоприношениями в самом доме, где тот умер. Но пока он предавался этим суетным заботам, до него дошла весть о пагубных последствиях его неосмотрительного отсутствия и путешествия, продиктованного тщеславием.

Все его завоевания пошатнулись и сбросили ярмо. Войска, оставленные для их охраны, были либо изгнаны, либо перебиты, и Траяну пришлось начинать войну заново. Он отправил против мятежников Лузия с одной стороны и Максима – с другой. Последний, тот самый, что оказал Траяну большие услуги в войне с даками, здесь не добился успеха: он был разбит и убит в сражении. Лузию повезло больше, или он оказался искуснее: он отбил Нисибис, взял штурмом Эдессу, которую разрушил и сжег. Селевкия была возвращена к покорности Эруцием Кларом и Юлием Александром.

Эти успехи восстановили римское господство в недавно покоренных странах. Однако Траян, предупрежденный опасностью потерять все свои завоевания, счел необходимым ограничить масштабные планы, которые строил. Похоже, его изначальным намерением было уничтожить Парфянскую империю и подчинить ее народы непосредственно своим законам. От этой идеи он отказался, решив удовлетвориться назначением им царя по своему выбору.

Хосрой все еще был жив, вероятно, скитаясь в изгнании. Траян счел невыгодным возвращать его на трон, так как тот вряд ли признал бы власть Рима, считая престол наследственным

достоянием предков. Взгляд императора пал на Партамаспата, чья личность иначе неизвестна. Церемония возведения нового царя прошла с большой помпой. Траян прибыл в Ктесифон, собрал римлян и парфян города и округа, взшел на высокий помост и после речи о величии своих деяний провозгласил Партамаспата царем парфян, возложив на него диадему.

Город Атра [13], населенный арабами и расположенный недалеко от верхнего течения Тигра, между рекой и Нисибисом, продолжал сопротивляться. Траян решил подавить мятеж и лично возглавил осаду. Но здесь его ждал позор, и последняя кампания жизни оказалась самой неудачной.

Атра, не будучи ни крупной, ни богатой, защищалась своим положением в пустыне, где не хватало воды (к тому же плохого качества), не было ни дерева, ни фуража. Палящее солнце усугубляло тяготы армии, служа дополнительной защитой осажденным. Несмотря на трудности, мастерство Траяна и доблесть победоносных войск сначала добились успеха: в стене пробили брешь. Но при попытке штурма римляне были отброшены с потерями. Император, скакавший верхом туда, где требовалось его присутствие, не смог остановить бегство войск и едва избежал гибели. Он снял знаки императорского достоинства, чтобы остаться неузнанным, но седые волосы и величавая осанка выдали его. Враги, заметив его, открыли стрельбу, и всадник рядом с ним был убит. К несчастью, добавились бури, град, молнии и гром, а тучи мух заражали пищу и воду солдат. Пришлось отступить: Траян снял осаду и отступил в сирийские владения империи. Вскоре он умер, но прежде чем рассказать об этом, следует упомянуть яростные восстания иудеев, которые сопровождали или даже предвосхитили мятежи других народов.

За почти пятьдесят лет, прошедших после взятия Иерусалима Титом, первоначальный ужас иудеев сменился тяжким бременем ярма, казавшегося противоречащим пророчествам. Бунт начали киринейские евреи, решившие, что удаленность императора и сосредоточение сил на Востоке дают шанс вернуть свободу. Они восстали в 886 году от основания Рима под предводительством Андрея (как называет его Дион), и их жестокость поражает. Они не просто убивали римлян и греков – подвергали их чудовищным пыткам: распиливали вдоль тела, отдавали на растерзание зверям, заставляли сражаться как гладиаторов. По словам Диона, они ели плоть жертв, мазались кровью как маслом, сдирали кожу и носили ее. Эти ужасы сложно принять на веру, тем более что Евсевий, более взвешенный автор, о них не упоминает. Сомнителен и число погибших: Дион утверждает, что в Киренаике погибло 220 тысяч, на Кипре – 240 тысяч.

Луп, префект Египта, попытался подавить бунт, но был разбит и заперся в Александрии. Там он обрушил месть на местных евреев, перебив многих и обратив остальных в рабство. Это была не просто месть, но необходимость: александрийские иудеи сговорились с киринейскими, которые, не сумев осадить столицу, опустошали окрестности под началом «царя» Лукуа (по Евсевию).

Император направил в Египет Марция Турбо с сухопутными и морскими силами. Тот, умелый и энергичный, ценой долгих боев подавил мятеж, воздав иудеям за их злодеяния. Вероятно, он усмирил и Кипр, где евреи разрушили Саламин и вырезали жителей. Согласно Диону, их изгнали с острова настолько, что даже потерпевшие кораблекрушение иудеи предавались смерти.

Месопотамия, веками населенная евреями, также вызвала подозрения Траяна. Луций Квиет, порученный им «очистить» провинцию (по выражению Евсевия), разгромил их в битве и истребил множество. В награду он получил пост правителя Палестины.

Этот принц [Траян], как я уже говорил, провел зиму в Сирии. Он намеревался вернуться в Месопотамию с началом кампании, чтобы окончательно утвердить римское господ-

ство в регионе, который с трудом подчинялся; но болезнь разрушила его планы: у него случился апоплексический удар, перешедший в паралич, что привело его в состояние слабости и бездействия. Поэтому он решил вернуться в Рим, куда сенат призывал его прибыть, чтобы вкушать покой, столь заслуженный его трудами и подвигами. Уезжая, он оставил в Сирии свою армию, доверив командование Адриану.

Тот не обладал ни рвением, ни, возможно, способностями, необходимыми для продолжения столь сложной войны. Таким образом, отъезд завоевателя стал причиной потери всех его завоеваний. Парфяне, презрев царя, назначенного Траяном, свергли его, вернули себе право управляться по своим законам и восстановили на престоле Хосрова, которого римляне ранее низложили. Армения и Месопотамия вернулись к прежним правителям – так завершились великие и славные подвиги Траяна. Столь огромные расходы, опасности и пролитая кровь оставили римлянам лишь стыд от провалившейся затеи.

Поскольку болезнь Траяна длилась несколько месяцев, это дало время для интриг вокруг престолонаследия, которое оставалось неопределенным из-за отсутствия у императора детей. Наибольшие права имел Адриан – его соотечественник, союзник, близкий родственник и человек, достигший высот власти, за которыми оставалась лишь императорская корона. Я уже упоминал, что он был квестором во время четвертого консульства Траяна, в 852 году от основания Рима; четыре года спустя, в 856-м, он стал народным трибуном, в 858-м – претором, в 860-м – суффект-консулом, а в последний год правления Траяна был назначен ординарным консулом и главнокомандующим в Сирии.

Эти титулы питали честолюбивые надежды Адриана, и он старательно подкреплял их, непрестанно угождая Траяну и завоевывая его дружбу и уважение с момента усыновления императора Нервой. Здесь стоит вспомнить его первые шаги в этом направлении. Он сопровождал воинственного принца в большинстве походов; командуя легионом во второй Дакийской войне, отличился множеством подвигов, за которые Траян наградил его алмазом, полученным им самим от Нервы. Адриан расценил это как знак будущего усыновления. Между претурой и консулатом, будучи назначенным наместником Нижней Паннонии, он успешно сочетал обязанности полководца и магистрата: усмирил сарматов, поддерживал строгую дисциплину в войсках, а также обуздал чиновников, превышавших свои полномочия. Такое управление принесло ему консулат.

Во время исполнения этих высших обязанностей он получил через Лициния Суру, ближайшего доверенного лица Траяна, заверения в своем усыновлении. Адриан уже считал, что близок к долгожданной цели, но вскоре Сура умер, лишив его могущественного покровителя. Впрочем, Адриан занял его место в делах, требующих доверия. Траян, как утверждает [Юлиан Отступник], не из-за неспособности, а из лени, не составлял собственных речей. Раньше за него это делал Сура, а после его смерти – Адриан. Однако вопрос усыновления застопорился и не продвигался вплоть до смерти Траяна.

Против Адриана выступали ближайшие друзья императора. Помимо Сервиана, его шурина, который с самого начала пытался ему помешать и доносил императору о его проступках, открытыми врагами были Пальма и Цельс. Это подстегнуло Адриана еще усерднее угождать Траяну, потакая даже его порокам. Император любил вино – Адриан заставлял себя состязаться с ним в питье. Он даже унижался, потворствуя грязным наклонностям принца: заискивал перед юношами, которые нравились Траяну, выполняя для них низкие услуги, вроде нанесения на их лица мазей для сохранения красоты. Но главной его опорой, без которой все усилия были бы тщетны, стала поддержка императрицы. Именно она устроила его брак с племянницей Траяна, добилась для него высокого поста в Парфянской войне, второго консулата и, наконец, когда не смогла преодолеть нежелание Траяна усыновить Адриана, добилась своего хитростью и обманом.

Я уже отмечал, что Траян никогда не любил Адриана; и когда ему стало необходимо определиться относительно своего преемника, он вовсе не включил его в различные планы, которые приходили ему на ум. Некоторые утверждали, что он задумывал подражать Александру, не назначая себе преемника; план, недостойный такого хорошего принца, как он, который, осчастливив империю при жизни, должен был позаботиться о сохранении её спокойствия и после своей смерти. По мнению других, он намеревался написать сенату, предоставив этому собранию право выбрать императора из числа определённых лиц, которых он указал бы в своём письме. Этот план, кажется, имеет немалое сходство с тем, что Дион рассказывает по поводу Сервиана. Он свидетельствует, что во время пира Траян предложил своим сотрапезникам назвать десять достойных управлять империей, а затем, немного поразмыслив, поправился: «Я прошу вас назвать лишь девять, – сказал он, – одного я уже имею в виду: это Сервиан». В другом месте я упоминал, что он думал о Луции Квиете, хотя тот был иностранцем и мавром по происхождению. Спартиан также приписывает Траяну намерения относительно Нератия Приска, знаменитого правоведа, выбор которого, по его словам, одобряли друзья императора; дело зашло так далеко, что однажды Траян сказал Приску: «Если судьба распорядится мной, я вверяю вам провинции». Выражение, которое я считаю нужным отметить мимоходом для читателя как доказательство того, что Траян считал себя скорее верховным главнокомандующим республики, нежели монархом, и полагал, что непосредственно подчинены его власти лишь провинции и армии.

Из всех этих фактов ясно следует, что Траян вовсе не намеревался усыновлять Адриана; более того, Дион утверждает, со слов своего отца Апрониана, бывшего наместником провинции Киликия, где Траян скончался, что никакого усыновления не было. Вот как была проведена вся эта интрига.

Траян, страдавший от паралича, к которому присоединилась водянка – довольно обычное следствие злоупотребления вином, – казалось, впал в состояние, при котором посторонние впечатления должны были легко овладевать его рассудком; тем не менее, он до конца сохранял решимость не усыновлять Адриана. Возможно, его недоверие к приближённым подкреплялось подозрениями относительно причины своей болезни и мыслью об отравлении, которая, впрочем, кажется, не имела серьёзных оснований. Он отплыл морем, чтобы вернуться в Рим, но, достигнув Селинунта в Киликии, перенёс второй удар апоплексии [14], от которого уже не оправился. Плотина, при поддержке Татия, бывшего наставником Адриана, взяла под контроль последние минуты жизни своего мужа. Свободная выдумывать что угодно, она распространила среди публики ложное известие об усыновлении Адриана Траяном и отправила соответствующее сообщение в сенат; однако письмо, подписанное Плотиной, а не Траяном, выдавало обман. Она могла бы подделать почерк мужа, как уже приписала ему чужие слова; ибо утверждают, что она разыграла комедию, подставив мошенника, который изображал больного императора и слабым, умирающим голосом объявил, что усыновляет Адриана. Чтобы придать правдоподобие этому спектаклю, смерть Траяна некоторое время скрывали; поэтому точная её дата остаётся неизвестной. Известно лишь, что Адриан, находившийся в Антиохии, 9 августа получил известие о своём усыновлении, а 11-го – о смерти Траяна.

Так этот великий император, грозный завоеватель, наводивший мосты через Дунай и Тигр, покоривший Дакию и поставивший Парфянскую империю на грань гибели, умер, оставив преемника, которого сам не выбирал и который, как выяснится впоследствии, был весьма недоброжелательно настроен к его славе.

Тем не менее, Адриан поначалу старался демонстрировать большое усердие в почитании памяти предшественника. Он устроил ему пышные похороны в Селинунте, который в его честь был переименован в Траянополь. Прах императора, помещённый в золотую урну, доставили в Рим, где он с торжеством был внесён в город на триумфальной колеснице, впереди которой шёл сенат, а позади – армия. Урну поместили под знаменитой колонной, воздвигнутой им

на форуме, построенном по его указанию; и это стало ещё одной привилегией Траяна – быть погребённым в городе, где до того никого не хоронили. Его причислили к сонму богов. В его честь учредили игры, названные Парфянскими, которые после многолетнего регулярного проведения со временем были забыты и прекратились.

Траян прожил почти шестьдесят четыре года и правил девятнадцать лет, шесть месяцев и пятнадцать дней, если считать до 11 августа – даты, с которой Адриан отсчитывал начало своего правления.

Траян не имел пороков, непосредственно вредящих обществу, и даже обладал в высокой степени противоположными добродетелями: скромностью, милосердием, любовью к справедливости, неприятием роскоши и разумной щедростью, источником которой была мудрая бережливость. Человечество, счастливое под его властью, выразило ему свою признательность уважением и восхищением, сохраняющимися и поныне; но лишь слепым предубеждением можно объяснить попытки некоторых как бы канонизировать его, утверждая, будто папа святой Григорий вымолил у Бога спасение этого императора через пятьсот лет после его смерти. Помимо нелепости подобной басни, позорные пороки в личном поведении Траяна делали его лишь слишком достойным божественного возмездия.

Я не раз упоминал о его пристрастии к вину, которое, по словам одного автора, вынудило его принять унижительную меру – запретить исполнять приказы, отданные после долгих пиров. Его противоестественные развратные деяния покрыли его вечным позором. Осмелюсь также причислить к его недостаткам ненасытную страсть к войне, успехи в которой вскружили ему голову, а неудачи омрачили последние годы его жизни.

Таков порок человеческой природы, предоставленной самой себе. Нет совершенной добродетели, и самые прославленные нередко запятнаны самыми ужасными пятнами.

ЗАПИСКА Г-НА Д'АНВИЛЯ О МОСТЕ, ПОСТРОЕННОМ ТРАЯНОМ НА ДУНАЕ.

Граф Марсильи не указал с достаточной точностью длину моста, построенного Траяном на Дунае. Он определяет её в 440 colphers из Вены, которые, по его мнению, соответствуют французским туазам.

Klaffter (а не colpher) – это мера, действительно состоящая из 6 schuhs, подобно тому как туаза состоит из 6 футов. Schuh буквально означает calceus [обувь], и, так же как слово fuss, обозначает ступню. Мера венского фута меньше парижского на треть дюйма: следовательно, klaffter равен лишь 5 футам 10 дюймам французской меры.

Но неточность измерения, данного графом Марсильи, заключается не только в этом. Барон Хингельгард, искусный офицер, командовавший на венгерской границе по поручению венского двора, измерил длину моста и, определяя её от лицевой стороны одного устоя до лицевой стороны другого, нашёл её равной примерно 535 klaffters, что составляет 520 французских туаза.

Граф Марсильи определяет количество арок моста числом 22, хотя не видно, чтобы это число было указано ему чётко различимыми и явными остатками опор, поддерживавших арки; более того, на приведённом им профильном изображении насчитывается лишь 21 арка.

Согласно плану моста, составленному бароном Хингельгардом (который я видел в рукописном виде), я насчитал 19 опор, не считая устоев. Эти опоры, или их остатки, образуют нечто вроде островков в русле реки; при этом видны лишь некоторые из них ближе к берегам, тогда как те, что находились в середине русла, были разрушены и поглощены водой раньше. Можно предположить, что полное количество опор было определено по промежуткам между сохранившимися остатками, исходя из заданного расстояния между устоями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.